

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

Н. Матвеев ...Но сейчас было настоящее. Из прошлого оставался лишь один он, Нельсон Степанян, когда-то рабочий парнишка с нефтеперегонного завода, а теперь летчик-штурмовик. Теперь были влажные хлопья тумана, проносящиеся мимо него, холодное море где-то внизу. И это было главное... Он должен найти транспорт противника — это сейчас его основная задача. Казалось, все сосредоточилось в одном желании: увидеть! И Нельсон пристально всматривается в белую темноту. Что это! Какже-то бледные тени, слегка напоминающие размытые, как на плохо вышедшей переводной картинке, силуэты кораблей. Транспорты! Вот они где...

Буревестник

МУЖЕСТВО

11

честь, отвага, мужество

НИКОЛАЙ
МАТВЕЕВ

Буревестник

Героическая биография

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ц К В Л К С М
«М О Л О Д А Я
Г В А Р Д И Я»
1 9 6 8

Матвеев Николай Сергеевич
БУРЕВЕСТНИК (героическая биография). М.,
«Молодая гвардия», 1968.

P2

144 стр. (Честь, отвага, мужество)

Редактор Г. Еремин
Оформление И. Михайлова
Рис. на обложке Г. Перкеля
Художественный редактор Г. Позин
Технический редактор В. Майорова

Сдано в набор 23/VIII 1968 г. Подписано к печати 15/XI 1968 г. А04304. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печ. л. 4,5 (усл. 6,3). Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 100 000 экз. Цена 16 коп. Т. П. 1968 г., № 213. Заказ 1808.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушеская, 21.

7-3-2

1

Передо мною лежат два объемистых тома. На их корешках поблескивают золотом слова: «Люди бессмертного подвига». Эта книга о тех, чьи имена, как символы отваги и мужества, навсегда вошли в историю наших дней. Многие из тех, о ком здесь написано, живы, некоторых уже нет; но сейчас они все рядом с нами.

Некоторые имена и фамилии знакомы любому. Например, Иван Дмитриевич Папанин. Кто не слышал о первой советской научно-исследовательской станции «Северный полюс» на дрейфующей льдине? Кто не знает маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, или маршала В. И. Чуйкова, или дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака? Но наряду с ними в этот золотой список вошли и другие, о подвигах которых знают немногие. И это несправедливо. Ведь каждый из них заслуживает того, чтобы быть примером для молодежи, для тех, кто только вступает в жизнь. Перелистаем страницы... Му-

жественные лица людей, одетых в военную форму. Портрет и краткая справка. А ведь у них — моряков, танкистов, летчиков, артиллеристов, пехотинцев и партизан — своя неповторимая биография, схожая только в одном: все они настоящие герои, люди одного поколения, беззаветно любящие свою Родину.

Остановим свое внимание на этом портрете: плотный улыбающийся подполковник с небольшими усами и пристальным взглядом темных глаз. Это летчик-штурмовик, дважды Герой Советского Союза Нельсон Георгиевич Степанян:

«Родился в 1913 г. в г. Шуша Азербайджанской ССР. По национальности армянин. Член КПСС с 1932 года. В Советской Армии с 1941 года. В годы Великой Отечественной войны уничтожил лично и в группе 53 судна противника. Награжден орденом Ленина и тремя орденами Красного Знамени. Героические подвиги славного сына советского народа навсегда останутся в памяти грядущих поколений».

Кто же он, этот мужественный человек, как он жил, каким он был и что мы о нем знаем, кроме этой скупой характеристики? Ведь есть и другие документы. По ним можно полнее восстановить облик этого человека.

Итак, начнем поиск. Перед нами папка с бумагами. Листаем уже пожелтевшие от времени документы: выписки из приказов, летные листы, рапорты, письма... На конвертах штампы разных городов: Москва, Минеральные Воды, Ереван, Ейск, отдельно лежит толстая папка писем с одним и тем же обратным адресом — Баку, нефтеперегонный завод... Это письма Нельсону его товарищей нефтяников — в их друж-

ной рабочей семье начался его жизненный путь, здесь он воспитывался и учился, здесь вступил в партию, с завода ушел в авиацию.

Значит, отсюда и надо начинать поиск, отсюда и потянется цепочка следов, ведущих к людям, знавшим Степаняна. Итак, в Баку...

...Пыхтящий автобус, лихо подсакивая на поворотах, резко тормозит на остановке. С трудом выбравшись из его переполненного нутра, мы очутились перед длинной стеной, за которой виднелись серебристые верхушки огромных нефтехранилищ. Недалеко от входа в проходную на стене барельеф: человек в военной форме, прямой нос, улыбатые глаза. Внизу четкая надпись: «Дважды Герой Советского Союза Нельсон Степанян» и дата — «1913—1944 г.». Здесь помнят своего славного земляка и товарища. А если помнят, то будут рады рассказать о нем все, что знают.

2

Территории завода, кажется, нет конца. Со всех сторон высатся корпуса, чувствуется ритм напряженной работы. Даже как-то неловко отрывать занятых людей от дела.

Высокий старик с седыми усами расчищает площадку перед небольшим обелиском. Подходим ближе: перед нами на овальном барельефе знакомые черты — Нельсон Степанян.

— Вы знали Степаняна?

— Нельсона? Конечно! — старик остановился.

— Какой он был, скажите...

— Какой? — переспросил старик и на минуту задумался. Как ответить на такой, казалось бы, простой и вместе с тем бесконечно сложный вопрос. Да и прошла, пожалуй, почти треть века... Он беззвучно шевелит губами, словно ища наиболее точные слова, наконец, медленно говорит:

— Он был добрый. Что ни попросишь, всегда все сделает. Я тогда печником был, он и мне никогда помочь не отказывался. Хотя с тех пор сорок лет прошло, хорошо его помню: невысокий такой, худощавый парнишка в черной спецовке, всегда без кепки ходил. Степанян слесарем тогда работал, его многие знали. К нему все хорошо относились, а особенно мастер его — Виктор Иванович Циплаков. Нельсон одним из его любимых учеников был.

...1929 год. Уже много лет ходит Виктор Иванович Циплаков по этой дороге. В любое время дня и ночи он может пройти по ней с закрытыми глазами. Это дорога от его дома на завод. Да как не знать ему этой дороги! По ней он ходил еще вместе со своим отцом, старым потомственным нефтяником. Тогда Виктор был совсем мальчишкой, а завод принадлежал англичанам. С тех пор прошло много лет. Теперь он не шустрый паренек Витька, а Виктор Иванович Циплаков, один из опытных механиков на заводе. Сотни тысяч шагов проделал он от своего дома до мастерской. Он здесь знает любой поворот и любой пригорок, но сейчас, в 1929 году, почти каждый день приносит перемены. Правда, эти перемены начались недавно, только с тех пор, когда в Азербайджане утвердилась Советская власть. Действительно, много изменилось за эти семь лет, с 1922 года, когда молодой Азербай-

байджан вошел в дружную семью советских республик...

Виктору Ивановичу есть что рассказать о родном заводе, многое здесь происходило на его глазах и сделано его руками. А если только подсчитать, сколько молодых рабочих он выучил, наверное, наберется несколько десятков. А он любит молодежь и может с гордостью сказать, что и молодежь отвечает ему тем же. Ведь не случайно, что он, Циплаков, создал на заводе в 1925 году первую комсомольскую бригаду. Но сколько еще надо сделать, сколько дел привести в порядок! Руки до всего сразу не доходят, но дойдут, обязательно дойдут.

Он входит на территорию завода, смотрит вокруг. Завод сомкнулся вокруг него, величественный и угрюмый. Огромные перегонные установки покрыты жирной копотью. Они маслянисто поблескивают. Лежат кое-где собранные в кучи тронутые ржавчиной листы стали, обрезки труб, причудливо изогнутые куски длинной проволоки.

«Ничего, скоро мы здесь наведем порядок», — думает мастер.

Он идет дальше. Все окрашено в темные тона. Даже кирпичные стены цехов, даже пыльные выбитые стекла покрыты тончайшей пленкой застарелой копоти.

«И здесь будет светло и чисто, — продолжает размышлять мастер. — Дайте только время».

Широко открытые ворота слесарных мастерских тоже кажутся черными. В помещении днем стоит тусклый полумрак, который сразу же чернеет и сгущается, когда загораются покрытые копотью электрические лампочки.

Циплакова уже ждали. У входа переминался с ноги на ногу щуплый паренек, а рядом с ним терпеливо стояла спокойная черноволосая женщина.

— А мы вас уже давно ждем, Виктор Иванович! — обрадовалась она. — Вот племянника привела.

Паришка застенчиво улыбнулся. Его большие темные глаза смотрели приветливо и внимательно.

— Ну что ж, посмотрим, какой из тебя рабочий человек выйдет. Пойдем в инструментальный. Пока будешь там.

Паренек послушно пошел за мастером.

Так началась трудовая жизнь Нельсона Степаняна.

Нельсон работал хорошо. Какой, кажется, был интерес в том, чтобы выдавать инструменты? Однако шестнадцатилетний паренек думал иначе: дело есть дело и его надо хорошо выполнять. Поэтому инструменты всегда были в полном порядке и под руками. А если кому-нибудь нужна была помощь в любой работе, все знали — Нельсон никогда не откажет.

Может быть, выдача инструментов была действительно не очень захватывающим делом, но уже тогда, в эти первые заводские дни, проявилась одна из черт характера Нельсона — стремление вкладывать во все какую-то легкую, веселую добросовестность, находить удовольствие во всем, что бы ему ни приходилось делать.

«Серьезный паришка, — одобрительно думал о Степаняне мастер, — недолго он в чернорабочих ходить будет».

Циплаков не ошибся. Нельсона буквально через месяц перевели из инструментального в слесарную мастерскую.

На заводе слесарям работы много: то один зовет, то другой. За день так по территории набегаешься, что ноги гудят. А еще и так бывало. Приходит мастер, говорит:

— Вот что, ребята, собирайтесь! Надо кубы чистить!

Нельсон всегда был среди тех, кто занимался этим не очень сложным, но малоприятным делом. Перегонных кубов много, больше десятка, температура в них до пятидесяти градусов жары доходит. В таком пекле надо в специальном костюме работать, а Нельсон работал в одной своей черной спецовке. Жара такая, что дышать нечем, и внутри куба особенно не развернешься, все-таки тесновато.

Если честно сказать, не очень-то многие любили эту работу — жарко, грязь, дышать трудно, — но Степанян никогда от нее не отказывался, даже сам предлагал идти за других, особенно за тех, кто постарше.

Почему? Ведь не могла же ему действительно нравиться душная теснота куба? Почему же он шел первым? Наверное, именно потому, что работа эта была тяжелая и неприятная. Наверное, именно потому, что всякая трудность вызывала в нем какой-то лихой азарт. Сейчас уже не сказать, когда впервые проявилась в Нельсоне эта черта, но она стала органической частью его характера, так же как и почтительное отношение к старшим по возрасту.

Он вообще был «человек с понятием» — всегда уважал старших, но и с молодыми был в дружбе. Нельсон был, что называется, свой парень. Он любил вместе с товарищами уйти под парусом в море, туда, где дружелюбно подмигивал апшеронский маяк. Лю-

бил поплавать, позагорать. Любил погонять на велосипеде. Он даже однажды неплохо прошел в велопробеге, причем велосипед дал ему Виктор Иванович. Первым мчался посмотреть новую кинокартину, потанцевать, поспорить на диспутах.

У него было множество друзей — и ребят и девчат. Их привлекали к нему какая-то теплота, внутренний такт и доброжелательность. Особенно эти качества ценили девушки, работавшие вместе с ним на заводе.

...Дни летели с необыкновенной быстротой. Если бы в сутках было не двадцать четыре, а сорок восемь часов, то все равно Нельсону не хватало бы времени. Еще бы: работа, учеба — ведь он учился в вечерней школе, а кроме того, надо и с товарищами встретиться и дома помочь. Только успеешь что-нибудь сделать, глядишь — уже вечер.

Времени не хватало, но он не унывал, он был полон энергии, которая так пригодилась ему через двенадцать лет, когда он по несколько раз в день садился в свой самолет, чтобы бить фашистов. Но Великая Отечественная война была еще далеко, и скромный темноглазый паренек жил обычной жизнью миллионов сверстников. И именно эта обычная жизнь исподволь и незаметно воспитывала то поколение, которое отстояло Родину в самой страшной из войн.

...Пожар начался, как всегда, неожиданно. Жирное коптящее пламя взметнулось из топки и опало, рассыпая жгучие малиновые искры. Мутная тускло-радужная пленка нефти в отводных каналах задрожала, осветилась оранжево и словно нехотя зажглась. По-

том потекли и загорелись загустевшие капли мазута. Огненные пряди словно стелились по земле, поджигая на своем пути все, что только могло гореть.

«Ловушка! — эта мысль как током ударила Нельсона. — Если огонь доберется до ловушек отстойников — конец!»

Он был прав. Если взорвутся бензиновые пары, с неба обрушится огненный дождь, и тогда от завода может остаться лишь черное пепелище и изуродованные, оплавленные скелеты установок.

Степанян схватил лопату и принялся яростно взбалтывать воду в канале. Но нефтяная пленка не хотела тонуть. Она выскальзывала из-под лопаты и жидким пламенем уносилась прочь. Лицо Нельсона блесло от пота в отблесках огня и копоти. Как задержать огонь? Как сбить гудящее расползающееся пламя? Нельсон двумя сильными ударами лопаты перерубил паропровод. Обжигая руки, схватил его и, отворачиваясь от страшного жара, направил струю сухого пара на огонь. Все заволкло розовым туманом и потонуло в шипении и треске. Нехотя стал утихать огонь...

Когда к Степаняну подбежали на помощь, обессиленное пламя уже корчилося в последних судорогах. Пожар был побежден.

3

Тридцатые годы — годы великого перелома. Партия призывает советский народ успешно осуществить первую пятилетку. Страна должна стать индустри-

альной во что бы то ни стало, и притом в кратчайший срок. Развертывается социалистическое соревнование, создаются ударные бригады, где каждый старается дать все, на что он способен. Всюду молодежь с энтузиазмом включается в жизнь страны. Их, молодых, интересует все: земля, вода, небо. Именно в эти тридцатые годы наша страна становилась крылатой. Наша авиационная наука уже могла сказать новое слово, могла осуществлять и практические задачи. Появилось много заводов, на которых открылись конструкторские бюро. Целая плеяда талантливых конструкторов — А. Н. Туполев, Н. Н. Поликарпов и многие другие начали осуществлять свои творческие замыслы. Уже можно было с гордостью сказать, что у нас тоже есть свои, отечественные самолеты: пассажирские, истребители, штурмовики, тяжелые самолеты, в частности четырехмоторный АНТ-6. Именно на этой машине наши летчики достигли Северного полюса. Тогда не было человека, который не знал бы имен Чкалова, Байдукова, Белякова, не говорил бы о полетах Громова, не восхищался бы мужеством полярных летчиков, спасавших челюскинцев.

Молодая страна подводила итоги первой пятилетки и уверенно намечала новые задачи. Итоги были успешны: вступил в строй мощный ДнепрогЭС, ледокол «Сибиряков» открыл Северный морской путь из Архангельска в Тихий океан, среди тайги и пустынь новые города и поселки зажглись тысячами огней. И все это было создано за небывало короткий срок руками обыкновенных людей. И огромная доля этого гигантского труда принадлежала комсомольцам. Это они, захватив с собой лишь небольшой чемоданчик или за-

плечный мешок, ехали осваивать новые земли и строить новые города. Это они, обыкновенные парни и девушки, воздвигали гигантские плотины, вырубали тайгу, рыли каналы, меняли лицо земли. Работы хватало на всех, скорее людей не хватало для грандиозных дел, которые предстояло свершить. Время несло с бешеной скоростью, но люди работали еще быстрее, устанавливая неслыханные рекорды. Каждый мог найти себе занятие по сердцу, выбрав самое увлекательное для себя дело.

Именно тогда человек приблизил к себе небо и стал мечтать о звездах. Мечтали и взрослые и дети. Мальчишки строили модели и часами следили за их полетами, радуясь успехам и тяжело переживая аварии своих фанерно-бумажных самолетов. Взрослые занялись небом всерьез, едва только наладили свои земные дела. Еще в 1923 году были организованы первые кружки по планеризму, а к 1933 году десятки тысяч людей приобщились к этому спорту мужественных и испытали непередаваемое, ни с чем не сравнимое чувство полета...

Нельсон тоже с детства мечтал о небе. Еще мальчишкой он мог целыми днями сидеть дома и строить модели. Он не замечал времени, и только сердитый голос отца отрывал его от клея и ножниц.

Он мог часами пускать модели с плоской крыши своего дома в Ереване, радуясь, когда маленький планер подолгу парил, как птица.

Летать — это счастье! Это он знал твердо, и еще он знал, что сам обязательно будет летать.

И когда прозвучал призыв IX съезда ВЛКСМ — «Комсомол — на самолеты!», «Дадим стране 150 ты-

сяч летчиков!», — Степанян почувствовал, что, наконец, его мечта становилась явью: бакинский аэроклуб объявил набор.

— Дядя Витя, я хочу летать! Дайте мне рекомендацию в аэроклуб, — прибежал взволнованный Нельсон к Циплакову.

Виктор Иванович не спеша вытер замасленные руки, внимательно посмотрел на паренька и спросил:

— А зачем тебе летать?

От неожиданности вопроса Нельсон даже поперхнулся.

— Как зачем? — недоуменно пожал он плечами.

— А так. Я ведь тебя ясно спрашиваю: зачем тебе летать? За компанию, вместе с другими, или тянет в небо?

Вот он, оказывается, к чему клонит, Виктор Иванович! Да при чем тут компания? Только как рассказать ему о затаенных мечтах, что все время волнуют его воображение?..

...Летний день. Поле аэродрома. Теплый ветерок еле колышет траву. Пахнет разогретым маслом, бензином. А в кабине за штурвалом он, Нельсон Степанян, в комбинезоне и шлеме с огромными очками. Еще минута — и он поднимется в небо и поведет машину к далеким сиреневым горизонтам. И новая, необыкновенная жизнь откроется перед ним, жизнь, полная ветра, неба, простора. А может быть, он даже станет военным летчиком и ему доверят грозную боевую машину?..

— Что же ты молчишь? — спросил Циплаков. — Или слова не находишь?

— Не нахожу, Виктор Иванович, — честно при-

знался Степанян, — не знаю даже, как вам объяснить... Тянет меня...

— Тянет, значит? — усмехнулся мастер.

— Тянет...

— Ну что ж, раз тянет, тогда другое дело. — Виктор Иванович внимательно посмотрел на Нельсона. — Ладно, заходи завтра, получишь рекомендацию.

— Дядя Витя! — в восторге крикнул Нельсон. — Да я...

— Ладно, ладно, будешь летать, помашешь мне крылышками. Беги, пилот!

И дядя Витя дал ему эту «путевку в авиацию», как несколько позже дал ему и рекомендацию в члены Коммунистической партии.

Чувствуя себя почти уже летчиком, Нельсон пытался и вести себя как подобает опытному воздушному асу — спокойно и невозмутимо. Но удавалось ему это плохо. В конце концов он был еще очень молод и просто не находил себе места, ожидая решения судьбы. И, как всегда в таких случаях, время тянулось, как назло, медленно, того и гляди вообще остановится...

Наконец долгожданный день наступил. Для начала Нельсон должен был пройти врачебный осмотр. На медицинской комиссии тщательно осмотрели паренька: ничего, что он несколько худ, — здоровье отличное. Врач, строго посмотрев на Нельсона через очки, неожиданно тепло улыбнулся.

— Молодец! Годен!

Всего два слова, а для Нельсона они значат так много...

Перед началом занятий Степанян зашел в комитет

комсомола и к Виктору Ивановичу — как-никак он был его «крестным».

Циплаков внимательно выслушал Нельсона, одобрил — теперь можно идти спокойно.

Совмещать работу на заводе и занятия в аэроклубе трудно. Но по-прежнему безотказным был молодой слесарь на работе, и примерным учлетом был он в аэроклубе, где совершилось приобщение Нельсона к одному из высших достижений цивилизации — способности летать.

На уроках истории авиации рассказывались волнующие эпизоды из жизни первых воздухоплатователей. А за стенами клуба кипела жизнь. Она требовала: учись, узнавай, действуй! Каждый день, не принеся знаний и умения, — погибший день. Торопись, современник, ты должен много успеть!

И Нельсон торопился.

Занятия в аэроклубе целиком захватили его: история авиации, изучение самолета, мотора, пилотирование. Одна из заповедей, которую должен накрепко усвоить каждый будущий летчик, гласит: надо хорошо знать теорию, чтобы грамотно летать. И Степанян запомнил это на всю жизнь и старался усвоить всю летную премудрость как можно лучше. Пришлось ему заняться и парашютным спортом: ведь уметь быстро и правильно обращаться с парашютом необходимо каждому летчику.

...Первый прыжок. На мгновение плоть человеческая противится мысли, что сейчас нужно добровольно оторваться от надежной опоры и ринуться вниз. Но, как и всегда, препятствие замыкает в подсознании Нельсона механизм азарта, и, ломая себя, он прыгает.

Его охватывает знакомое каждому парашютнику ощущение, когда кажется, что все внутренности стремительно поднимаются вверх, вот-вот вырвутся, и тут резкий толчок, над головой вспыхивает упругий купол парашюта, и почему-то обязательно хочется петь и кричать, возвещая миру, что ты благополучно опускаешься на землю...

Нельсон учился прилежно. Он даже ушел из дома тетки, где он жил до сих пор, и переселился в общежитие — так больше оставалось времени на учебу.

...Итак, экзамены по теории сданы. Теперь учлеты делают на группы, во главе каждой инструктор. Наступило время, когда учлеты сами наконец-то поднимутся в небо. Начнут летать. Однако не сразу можно сесть на настоящую машину. Сначала надо пройти основательнейшую подготовку на земле, изучить все повадки самолета.

Степаняну думалось, что он знает У-2 до последнего винтика. Но оказалось, что это не так. Этот безотказный самолет, созданный конструктором Поликарповым, знаком многим поколениям летчиков. На нем в мирное время учились во всех аэроклубах, а в войну У-2 стали боевыми машинами и действовали как легкие бомбардировщики. И хотя не было на У-2 никакой бронезащиты, их экипажи не раз показывали чудеса храбрости. Но не только как легкий бомбардировщик использовался этот маленький самолет — он был и самолетом связи. Сколько фронтовиков ждали «кукурузник» с бесценным грузом писем, которые несли им вести и тейло из родного дома!

В 1944 году У-2 переименовали в ПО-2 в честь создавшего его конструктора Поликарпова, и, наверное,

когда-нибудь наступит тот день, когда этому скромному самолету поставят памятник благодарные авиаторы, как, наконец, поставили его собаке, верному другу медицины, на котором выучились многие поколения врачей...

Первый полет... Самое главное — все сделать правильно, только бы не ошибиться, а то инструктор отстранит от полета.

...Собственно говоря, для Нельсона это было значительно больше, чем первый полет. Это было свершение Мечты с большой буквы. Это был момент, когда нужно было вложить в движение рук и ног и весь свой опыт, и всю свою волю, и весь свой характер. Учета, Степаняна готовили к первому полету ровно столько, сколько полагалось по расписанию занятий. Но до этого его готовило все, с чем ему приходилось сталкиваться, его готовило все его окружение.

Разумеется, он не думал об этом, тем более в таких выражениях. Он был простым, скромным парнем. Он лишь старался сделать все как можно лучше и четче. Но зная его характер и людей, среди которых он вырос, мы получаем уравнение без неизвестных с однозначным решением.

...Все прошло хорошо — инструктор доволен. Потом было много полетов, но самый ответственный — это когда первый раз летишь один, без инструктора. Неизвестно, кто больше волнуется: инструктор или учлет.

Наконец наступили последние экзамены — их принимает строгая комиссия, но, кажется, она удовлетворена. Довольна комиссия и учетом Нельсоном Степаняном.

Итак, Нельсон окончил аэроклуб, но этого ему было недостаточно. «Только уметь летать — мало, нужно уметь воевать на крыльях», — говорил Степанян. И снова товарищи помогали ему осуществить заветную мечту. По просьбе завода в декабре 1933 года ЦК КП(б) Азербайджана направило Нельсона Степаняна в Батайское училище Гражданского воздушного флота.

Теперь нам ясно, почему так много писем с бакинским штемпелем получал Нельсон, почему так часто он вспоминал свой родной завод и почему десять лет спустя, в самые первые минуты, когда он приехал в Баку в 1943 году, уже будучи Героем Советского Союза, он стремился увидеть своих товарищей по заводу.

Следы из Баку ведут нас в Батайск — туда, где начался новый период жизни Степаняна.

...От станции Батайск идет дорога, хорошо знакомая многим молодым парням. Именно по этой дороге они пришли в авиацию. Вместе с другими курсантами прошел по ней и паренек из Баку — Нельсон Степанян. На станции Степаняна и других будущих курсантов встретил представитель училища. Грузовая машина за несколько минут промчала их через зеленый Батайск. Вот и авиационный городок, где расположилась Первая батайская летная школа. Городок небольшой, в нем не так уж много зданий: административные корпуса, общежития, учебный корпус, магазины. Но весь он не только красив, он какой-то уютный и приветливый, даже несмотря на то, что входят в него лишь по

пропускам. Проверяют всех. Люди, живущие в этом городке, должны заниматься делом, у них должно быть свое определенное место и должность. Есть даже и такая четко обозначенная в пропуске: «Жена начальника школы».

Автобус остановился недалеко от ворот. Тщательная проверка документов, и Нельсон вошел на территорию школы, которая должна была сделать из него настоящего пилота.

Все вновь прибывшие взволнованы: еще бы, надо заново пройти строгую медицинскую комиссию, куда более строгую, чем в аэроклубе. А вдруг забракут? Нельсон тоже волновался, как и все, но надеялся, что все обойдется. Действительно, через несколько дней ему сообщили: он принят в училище. Теперь он курсант.

Всех новичков переодели в форму, и сразу люди преобразились — подтянутые, строгие. Даже лица у парней стали другие: счастливые и какие-то значительные.

Степаняну понадобилось немного времени, чтобы почувствовать себя легко и просто среди новой обстановки и новых людей. Такой у него был характер — легкий и уживчивый, а его приветливость и веселый смех сразу привлекали к нему сердца, где бы он ни находился.

Поселили его в общежитии вместе с другими парнями, такими же молодыми, здоровыми и веселыми, как и он. Общежитие хорошее и светлое. В комнате подчеркнутый воинский порядок. Всюду стерильная чистота. Командир роты провел первый наглядный урок: показал, как надо заправлять койку, где дер-

жать сапоги. Во всем видны четкость, порядок и слаженность.

Первый день пролетел незаметно. После ужина курсанты вышли на прогулку по территории.

Пожалуй, самое внушительное здание — учебный корпус. Он центр всего городка — в нем всегда кипит жизнь. До позднего вечера здесь слышны голоса курсантов, по субботам и воскресеньям здесь, в клубе, собираются жители городка, смотрят кинофильмы, слушают беседы, а на площадке перед клубом звучит музыка и раздается смех. Если посмотреть на учебный корпус сверху — а каждому из курсантов пришлось это делать много раз, — он построен в виде буквы «Т». Неизвестно, специально ли планировал так архитектор проект здания или это случайность, но получилось здорово! Ведь «Т» знакомо каждому летчику — это сигнал посадки: «Приземляйся — все спокойно!..»

Жизнь в городке налажена четко. День загружен до предела. Занятия начинаются с 9 утра, а до занятий надо успеть многое: сделать физзарядку, выслушать политинформацию, позавтракать. После завтрака все строем идут в учебный корпус.

Начинаются занятия с теории по специальности, потом общеобразовательные предметы, военная подготовка. Из школы должны выйти всесторонне образованные люди, подготовленные практически, теоретически и физически. Физической культуре и спорту здесь придают большое значение. Не зря в городке есть и стадион и беговые дорожки и часто проводятся соревнования, чем Нельсон был очень доволен. Он с детства любил спорт: подтянуться на турнике, пробежать

по гаревой дорожке, попробовать свою силу на кольцах... Кольца! Степанян не мог удержаться от невольной улыбки.

...Это было еще в Ереване, где он жил со своими родителями в маленьком домике на улице Екмалина. Таких домов и дворики в Ереване тогда, в двадцатых годах, было много. Кривые улицы, низкие стены, сложенные из камней и глины, прятали дома с плоскими крышами. Конечно, не все улицы и дома выглядели так неприглядно, были и другие постройки, но дома с плоскими крышами и маленькие дворики встречались на каждом шагу. В наши дни даже трудно поверить, что этот красивый город и есть та грязная Эривань, которую некогда называли «глиняным городом».

Нелик вместе с товарищами устроили во дворе турник, где они «развивали мускулатуру». Решили провести соревнование, кто лучший.

— Но ведь еще нужны кольца, — безапелляционно сказал вихрастый Ашот, считавшийся главным авторитетом, — без них никак нельзя!

И кольца достали. Их повесили на перерезанной пополам толстой веревке, которую Нелик принес из дома. Проверили — веревка надежная, выдержит. Спортсмены работали вовсю, показывая чудеса ловкости и силы. Ашот беспристрастно судил. Нелик старался, он с упоением старался сделать упражнение, которое известно под названием «крест». Вот сейчас получится, сейчас, еще одно усилие...

— Это еще что! Что вы наделали!!! — Мать Нелика, грубо нарушив все спортивные правила, ворвалась на спортплощадку. — Моя веревка! На чем теперь я буду сушить белье?!

Участники соревнования позорно бежали, предоставив незадачливого гимнаста незавидной участи: веревка, хотя и разрезанная, была достаточно прочной и ошутимой...

Давно это было, а помнил он все, как будто случилось вчера...

Сейчас он займется спортом как следует, найдет и для этого время, хотя нагрузка в школе большая, здесь нельзя учиться, рассчитывая на авось, на подсказку товарищей; летать — дело серьезное: оценку ставит не преподаватель, а сама жизнь. Все в порядке, все в сохранности, можешь найти выход из любого положения — это пятерка, а других отметок в авиации просто быть не может.

Нельсон с жаром взялся за учебу, не жалел времени и сил, чтобы постигнуть сложную науку. В этом-то и была главная черта его характера — если делать, так делать на «отлично». И он считался одним из лучших курсантов.

Каждое лето курсанты проводили в лагерях: или в Кулешовской, или в Азове. Ведь надо совмещать теорию с практикой — зимой-то из-за погоды летать не приходилось.

В школе снова пришлось пройти наземную подготовку, как это было и в аэроклубе. Потом летали с инструктором, и только после контрольного полета было дано разрешение лететь самостоятельно. После полетов по кругу постепенно начали выполнять фигуры пилотажа. Техника пилотирования необходима для маневра, от умения летчика поражать цель зависит многое. Нельсон не отставал от товарищей, а даже выполнял все задания лучше многих — инструкторы им

были довольны: из парня наверняка выйдет толк. И они не ошиблись — Нельсон Степанян закончил училище на «отлично» и остался в нем инструктором.

5

Когда он прочел приказ, сначала даже не мог поверить своим глазам. Казалось, только вчера трясся от волнения, думая, возьмут или не возьмут его в аэроклуб, и вот — пожалуйста: инструктор Степанян. Нет, это было непостижимо. Он, Нельсон Степанян, будет учить летать других! Сможет ли? Конечно, проще было бы сказать себе: начальству виднее. Но он привык тщательно проверять себя, как проверяешь самолет перед вылетом.

И он сказал себе: ты сможешь. Должен суметь! Перед ним была еще одна трудность, которую нужно было преодолеть. Трудность двойная, ибо только вчера еще он был учлетом, а за каждым его словом и поступком сегодня будут следить десятки глаз, отыскивая неуверенность в себе. И как всегда, трудность загля в нем азарт. Он почувствовал, что все будет в порядке.

Конечно, учить молодежь нелегко. Самое главное — найти правильный подход к каждому, расположить его к себе. А для этого надо знать характер курсанта, правильно определить его возможности. Нужно быть не только требовательным, но и заботливым. Молодежь очень чутка, она не терпит фальши, и только тогда можно завоевать ее доверие, если идешь к ней с открытой душой.

Нельсон как-то сразу нашел правильный подход к своим ученикам, хотя сначала очень волновался.

Он не уставал объяснять по несколько раз одно и то же, никогда не повышал голоса. Но если Нельсон видел, что его слушают невнимательно, тогда он замолкал, в глазах вспыхивали сердитые огоньки и лицо сразу становилось суровым. Но это бывало очень редко — объяснял он так интересно и просто, что курсанты слушали его затаив дыхание. Они любили своего инструктора и даже не хотели летать, если его замещал другой. А Степанян тоже крепко привязался к своим ребятам. Теперь он часто вспоминал своего учителя — мастера Виктора Ивановича Циплакова — дядю Витю, как он его называл. Когда Нельсон шестнадцатилетним парнишкой пришел на завод, Циплаков тоже не уставал объяснять ему и его товарищам азы рабочей науки. Бывало, что и он сердился на ребят, но ненадолго. Он любил повторять: «Правильная пословица: вместе тесно, врозь скучно». Вот и Степанян теперь не мог без своих учеников, и они ему платили взаимностью. Много времени и души уделял он им, но была у него еще и другая привязанность.

...Душно. Очень душно. И с каждой минутой становится все тревожнее, и даже сжимается сердце. Стало совсем темно, хотя до ночи еще далеко и как-то странно тихо. Идет гроза. Пока она еще далеко, но вот-вот нагрянет и сюда, в этот маленький городок, и заставит все живое бежать и прятаться куда придется. «До чего сегодня некстати эта гроза, — девушка захлопывает окно. — Только собрались идти на танцы!» В зеркале отражается ее ладная фигурка в простеньком светлом платье. Чуть раскосые голубые глаза смотрят

сердито, на миловидном лице недовольство. Еще бы, так все хорошо складывалось: вечер выдался свободный, сегодня отметили хорошую работу ее звена, и теперь на самолете гордо развевается голубой вымпел, и еще, что тоже не менее приятно, к ней опять подходил этот черноглазый инструктор и интересовался, пойдет ли она сегодня на танцы. А тут этот дождь, как назло. Девушка подходит к окну и внимательно всматривается в темное небо. «Разве кто пойдет на площадку в такую погоду? — размышляет она. — Конечно, нет. Вот подожду немного, дождь пройдет, и можно будет просто так выйти пройтись».

В комнату ворвалась стайка девочек.

— Ты что одна здесь сидишь, скучаешь? А мы за тобой. Иди скорей, тебя там внизу кавалер дожидается, — разом затараторили они, наполнив комнату смехом и шумом.

— Какой кавалер? — недоверчиво спросила Фира.

— Как будто ты не знаешь, — рассмеялась Ирина, — а с кем сегодня договаривалась на танцы идти?

Фира покраснела. Вот так всегда с ней — и не подумает, что можно говорить, а что нельзя.

— Возьми мою косынку! — Ирина быстро сняла ее с головы. — Тебе ведь она очень идет. Голубая, как раз к глазам!

Не спрашивая, она накинула яркую ткань на темные волосы подруги. Вот всегда она такая, Иринка, разве можно на нее сердиться!

Фира невольно улыбнулась.

— Скорее, скорее! — торопили ее девушки. Еще бы! Свидание!

Фира выходит из дома и медленно идет по улице,

не глядя по сторонам. Она идет по своим делам, ей оглядываться не к чему.

— Фира, Фирочка! — слышит она у себя за спиной знакомый голос... Это, конечно, Нельсон. Идет, торопится. От дождя блестят его волосы, он, как всегда, без головного убора. Наверное, он уже давно ее ждет, плечи и лицо совсем мокрые.

«Конечно, он не скажет, что долго меня ждал», — думает девушка. Словно прочитав ее мысли, Нельсон встряхивает головой, да так, что брызги летят во все стороны.

— Вы что, грозы испугались? — улыбается он. — А я вас уже давно жду, даже соскучился. Думал, если еще десять минут не придете, то пойду за вами в общежитие. Только собрался, а вы тут...

Фире приятно, что Нельсон не боится сказать ей, что он соскучился, не боится признаться, что долго ее ждал, а особенно нравится то, что он говорит так, будто они знакомы уже очень давно.

— Ну и правильно бы сделали, если бы зашли за мной, — серьезно говорит девушка. — Дождь-то какой льет. Вы же совсем промокли! Пошли к нам. Я живу вместе с Ирой, а ее вы хорошо знаете.

Фира жила в большом корпусе с мрачным названием «Дом одиночек». Это название осталось еще с тех пор, когда здесь жили холостяки и прочие неустроенные личности, но сейчас во всем доме таких одиночек не нашлось бы и полусотни, зато семейных хватало.

В комнате было тесно: шла оживленная девичья беседа. Все замолчали, увидев гостя, но Нельсон не растерялся.

— Кто меня еще не знает — Степаныч Нельсон, — представился он. — А лучше — просто Нельсон.

Уже через минуту он чувствовал себя среди девчат как дома, вот он уже с кем-то шутит, с кем-то перебрасывается острым словом, рассказывает веселую историю, все смеются, и веселее всех смеется Нельсон.

С этого дня он стал частым гостем в «Доме одинок», в маленькой комнатке на втором этаже, и девушки уже не раз шептались, что скоро, наверное, у Иры будет другая соседка.

Не раз уезжали Фира и Нельсон в Ростов, проводили там целые дни, ходили в театр, долго гуляли по улицам, загорали на пляже или просто сидели на берегу Дона.

Они никогда не ссорились — у Нельсона легкий характер, с ним Фире всегда было хорошо и просто, хотя однажды произошел случай, когда она очень рассердилась. Правда, потом они с Ирой долго смеялись. Это было очень давно, бесконечно давно, когда они с Нельсоном еще не были знакомы, хотя на этого веселого, подвижного парня с приветливым лицом и большими темными глазами она уже обратила внимание.

А тот самый случай произошел в лагерях, летом, в Кулешовской, когда все были на ученьях. Они тогда состояли в одной эскадрилье, ведь Фира техник по эксплуатации самолетов и их палатки стояли друг против друга. Фира жила вместе со своей подружкой. Ирина — занозистая девчонка, язык как бритва, и чаще всего она оттачивала его на своих соседях. Отчитывала их за неаккуратность — то вещи у них не в порядке, то забудут что-нибудь на улице, — в общем

всячески их воспитывала. Ребята сначала отшучивались, потом перестали отвечать. Однажды в свободный день девушки занялись хозяйством: выстирали свои вещи, повесили их сушить на веревку, протянутую внутри палатки. Потом затеяли генеральную уборку — вытряхнули на койки разные вещи, часть положили на стол...

Уборка была в самом разгаре, когда прибежали подружки звать девушек в кино.

— Придем — все приберем, — решила Ирина. — У нас время будет, фильм не поздно кончится.

Фира пыталась протестовать, но энергичная подруга не стала слушать.

Когда девушки вернулись в лагерь, то не поверили своим глазам. Еще издали они увидели, что возле их палатки собрался народ. Они ускорили шаги.

Полотнища их палатки были высоко подняты, в центре вкручена большая лампа. Яркий свет освещал внутренность их дома, дикий беспорядок был представлен на всеобщее обозрение. На столе среди разбросанных вещей лежал белый лист, на котором чернели буквы:

«Равняйтесь на самых аккуратных».

Это была любимая фраза Ирины!

Девушки, путаясь в веревках, старались опустить полотнище, но узлы были затянуты прочно.

— Не нужна ли наша помощь? — перед Фирой возник Нельсон. — А то мы по-соседски с удовольствием.

В его глазах прыгали веселые чертики, и Фире сразу стало ясно, кому они были обязаны своим конфузом.

С тех пор Ира перестала воспитывать своих соседей, вообще не замечала их. Фира тоже рассердилась. Но вскоре мир был восстановлен.

Кажется, все это было очень давно, а на самом деле прошло лишь несколько месяцев. Теперь уже стало привычным, что все свое свободное время Нельсон проводил с этой скромной девушкой, которую многие знали и ценили за четкую работу. И поэтому, когда они вместе поехали в Москву в дом отдыха (их обоих премировали этой поездкой за хорошую работу), а вскоре и поженились, ни для кого это не было неожиданностью.

6

...В Москве в небольшой скромной квартире в Измайлове живет женщина... Тридцать лет прошло с тех пор, как она впервые встретила с темноглазым инструктором из Баку — Нельсоном Степانياном. Тридцать лет — огромный срок, много событий произошло за это время, большой жизненный груз за ее плечами. Много за это время забылось, человеческая память — ненадежный инструмент. Но есть у каждого человека что-то такое, что остается навсегда. У Фирмы Михайловны Гриндштадт тоже есть свое заветное — это память о муже. Хотя слово «память» не совсем точно. О Нельсоне Степаниане она говорит как о живом, причем это получается совершенно естественно и непринужденно.

— Расскажите о вашем муже, — попросили мы. — Какой он?

— Какой?! — переспросила она. — Он добрый, он очень добрый. Добрый и веселый.

И нам сразу вспомнился старый печник с нефтеперегонного завода. Он тоже выбрал именно эти слова.

— Его все любят за доброту и отзывчивость, а также за прямоту и честность. И таким он был всегда.

Фира Михайловна задумалась...

...После возвращения в Батайск Фира недолго жила в «Доме одиночек». Молодую семью перевели в другой корпус, где жил комсостав. Там в маленькой комнатке началась их жизнь. На большой тахте, занимавшей половину комнаты, — «посадочной площадке», как, смеясь, называл ее Нельсон, часто сидели гости. Играли в шахматы, спорили, шутили. Фира настолько привыкла, что у них каждый день бывают люди, что всегда делала хозяйственные покупки из расчета не на двоих, а троих или четверых. Такая хорошая, дружеская атмосфера была в этом доме, что товарищи Нельсона, даже и не очень близкие, охотно шли сюда. Шли просто на огонек, шли, чтобы поделиться новостями, шли с радостями и горем. Знали, что здесь каждому будут рады, каждого поймут. Ключ от комнаты Степанианов лежал на видном месте, и каждый мог войти, не дожидаясь хозяев.

Нельсон был очень гостеприимен. Когда жена задерживалась на работе, а у техника дел много, он сам занимался хозяйством и готовил обед. Особенно отменно у него получались голубцы. Это было его фирменное блюдо, и он им очень гордился.

Кроме домашних дел, у него было много и общественных обязанностей. Нельсон — профорг, и очень строгий: все ведомости у него всегда в полном порядке, а членские взносы он сдавал одним из первых. Правда, нигде не значится, что за иных своих забывчивых подопечных профорг иногда платил сам.

— Знаешь, Фирочка, у Бориса сейчас нет денег, — смущенно говорил он, — я за него заплатил, он потом отдаст. Да и вообще ему, наверное, надо бы предложить до зарплаты, надо парню помочь!

И Нельсон предлагал деньги взаймы и делал это так просто и хорошо, что человек никогда не чувствовал себя смущенным.

Вот за эту доброту, отзывчивость и деликатность и уважали его товарищи и тянулись к нему душой.

А ребяташки, те просто не давали Нельсону прохода. Они ждали его возвращения домой: вдруг он сегодня выйдет со своим велосипедом? Тогда все в порядке: он покатает всех — кого посадит на багажник, кого на раму. Ребята уже заранее устанавливали очередь, чтобы никому не было обидно, и строго следили за ней. И вообще они любили этого веселого и сильного человека, ровного и приветливого, который всегда найдет минутку, чтобы поговорить с ними или пошутить. Здесь, в городке, где вся жизнь была связана с авиацией, все мальчишки мечтали стать летчиками и невольно подражали старшим. Нельсон Степанян среди ребят считался вполне достойным подражания.

Но далеко не всегда бывал Нельсон ласков и мягок. Его видели и суровым и резким, и никогда он не прощал лжи, подлости, нетоварищеского поступка.

Тут уж он не щадил и друга — скажет ему все, что думает. Так же прямо в лицо высказывал он горькие истины и начальству и искренне удивлялся, если кое-кто из друзей намекал, что следовало бы быть дипломатичнее.

Но на него, как правило, долго не сердились. Он был настолько справедлив и настолько требователен сам к себе, что обида казалась просто неуместной.

Поэтому-то так много людей с удовольствием проводили время в его обществе, и не только у него дома. Степанян любил ходить на охоту, в степи и к озерам, стрелять диких гусей, и у него всегда находились попутчики. У Нельсона было одноствольное ружье, у большинства двустволки, но, как правило, он всегда приходил с трофеями, оставляя попутчикам охотничьи рассказы. А весной, когда Дон разливается и вода доходит почти до самых домов, Нельсон, надев высокие сапоги, удил рыбу.

Жизнь была наполнена до краев: любимая работа, любящая жена, товарищи, ученики.

Для курсантов их инструктор Нельсон Степанян был неопровержимым авторитетом. Ведь для каждого из этих парней, да и вообще для каждого, кто мечтает о небе, первый самостоятельный полет запоминается на всю жизнь. Это неповторимое чувство, когда самолет разбегается, отрывается от земли и во всем теле появляется какое-то необъяснимое ощущение легкости. Где-то внизу раскинулись квадраты полей, пестрые кучки домов, темная щетина леса. Голубыми ленточками тянутся речки, завязываясь в светлый узел озера. Послушная машина подчиняется каж-

дому движению руки. Если еще немного взять на себя ручку и увеличить обороты, то самолет поднимется к облакам. Человек чувствует, что у него появились крылья. И испытать все это курсанту помог его инструктор, старший товарищ, который отвечает за каждое его движение и мысленно переживает с ним каждое мгновение полета.

А для Степаняна каждый новый оперившийся птенец — гордость и радость: ведь он вкладывает в своих учеников частицу самого себя.

Конечно, приятно подготовить еще одного пилота, передать ему мастерство, но Нельсон никогда не бывает доволен собой. Он сам должен еще многому учиться, и он поступает на минераловодские курсы высшего пилотажа.

Прощай, Батайск! Степаняны переезжают в Минеральные Воды. Теперь здесь будет их дом, здесь надо налаживать жизнь всерьез. Сняли поддома у приветливой хозяйки. Хорошо, что хозяйка пожилая и обходительная — она сможет помочь молодой женщине. А помощь ей теперь очень нужна — ведь у Степанянов родился сын. Нельсон счастлив — сбылась его мечта — теперь в доме есть еще один мужчина. И он всячески старался помочь жене: купал малыша, вставал к нему ночами, возился с ним. По несколько раз в день забегал домой, чтобы посмотреть на мальчика. Теперь, кажется, у него есть все, о чем он мечтал. И Нельсон со страстью отдается работе. Он летает днем и ночью, в любую погоду. На занятиях показывает образцы высшего пилотажа.

— Летаю нормально. Говорят, неплохо! — обычно отвечал он на вопросы о своих полетах.

Действительно, летает он «нормально»... Был однажды такой случай. Нельсон начинает показ пилотажа. Левый мелкий вираж, правый мелкий вираж, левый глубокий вираж, правый глубокий вираж, мертвая петля, боевой разворот. Переворот, петля, штопор, пике. Наконец машина пошла на посадку. Пора выпускать шасси. Но что это? В механизме правого шасси что-то испортилось. Сначала Степанян попытался исправить механизм. Ведь пока самолет в воздухе, пока в баках есть бензин — еще есть надежда. И Нельсон начал борьбу.

Он не испугался, нет. Просто все в нем сосредоточилось на этом проклятом шасси, которое никак не желало встать на свое место.

Он начал проделывать фигуры высшего пилотажа, надеясь, что встряска поможет заевшему механизму сработать, но на приборной доске по-прежнему упрямо мигал красный огонек — «нога» не выходила.

Разумеется, Степанян знал, чем может грозить посадка с неисправным шасси, он был слишком хорошим пилотом, чтобы не представлять себе этого.

Разумеется, он знал, что такое аварии. Он уже видел их. Что ни говори, а небо — это не мягкая лужайка. Он знал, что с ним может случиться через несколько минут, когда все-таки придется идти на посадку, потому что уже кончается бензин. Разумеется, знал он, что в таких случаях полагается прыгать с парашютом. Но знал и то, что неуправляемая машина может рухнуть вниз, на людей, не подозревающих об опасности.

И он решил сажать машину. Решил без колебаний, без ощущения своего героизма. Решил просто потому,

что такое решение было для него естественным, вытекало из его характера, из десятков характеров всех тех, кто так или иначе помогал ему превратиться из мальчишки в летчика.

Он весь одеревенел от напряжения. Он так физически отчетливо ощущал неисправность шасси, словно не самолет, а он сам потерял ногу. Ну, пора. Уже окраина города. Скоро аэродром. Нельсон видит внизу суетящиеся фигурки. Это его товарищи, летчики. Они-то все понимают и волнуются за него. Со страхом и надеждой наблюдают за неравным поединком человека и машины...

...И все же человек победил. Степанян выключил мотор, перевел самолет на планирование и виртуозно посадил его... на одну выпущенную ногу и консоль крыла.

Со всех сторон к нему бежали люди. А он смущенно улыбнулся и, как всегда, на вопрос о полете ответил:

— Ничего, летал нормально...

Фира хорошо помнит тот день. Тогда она долго ждала мужа. Несколько раз подходила к двери, выходила на улицу. Видно, сердце чуяло, что у Нельсона что-то случилось. Только плач маленького Вилика на минуту заставлял забывать о тревоге. Фира Михайловна спешит к сыну. Он темноглазый и кудрявый, каким был и его отец. Фира невольно улыбается: когда она впервые познакомилась с родителями мужа, они показали ей семейный альбом. Среди фотографий она обратила внимание на хорошенькую девочку.

— Какое прелестное личико! Кто эта девочка? — восхитилась Фира.

Все засмеялись.

— Эта девочка — твой муж Нельсон. Его в детстве все за девочку принимали, — объяснил отец.

Трудно было поверить, что энергичный лысоватый мужчина с волевым подбородком и кудрявая девочка на деревянном коне — один человек.

Фира Михайловна прислушалась. На улице слышны были голоса и чей-то звонкий смех — Нельсон идет. Она никогда не ошибалась, и не только она. Кто хоть раз слышал, как смеется Нельсон Степанян, никогда его смех не путал ни с чьим.

Действительно, дверь открылась, на пороге появился улыбающийся Нельсон.

— Здравствуй, Фирочка! Как Вилик? Все в порядке? У меня тоже все хорошо. Собирайся, сейчас пойдем. Нас Борис ждет. Не задерживайся, нельзя людей обижать.

Вот он, Нельсон, всегда такой: быстрый, решительный, если дал слово, обязательно сдержит. Как бы он ни устал, каким бы трудным ни был день, если обещал к кому-нибудь прийти или что-нибудь сделать, ни за что не подведет. Фира быстро одевается, хозяйка, как всегда, соглашается посидеть с мальчиком. Степанянов уже ждут — еще бы, ведь Нельсон сегодня герой дня, о нем говорят все. Фира молча слушает — не зря у нее было так тяжело на душе. После сегодняшнего полета она могла вообще больше никогда не увидеть мужа. Нельсон посмотрел на ее взволнованное лицо, нагнулся к ней и привычно пошутил, как всегда шутил перед полетами:

— Если мой полет вдруг прекратился и не слышно звука мотора, ты не волнуйся. Это не значит, что

я разбился. Ты же знаешь, я не могу долго быть без людей, поэтому прекращаю полеты, чтобы встретиться с товарищами. Прислушайся хорошенько, и ты услышишь мой смех. Ведь от нашего дома до аэродрома всего несколько километров...

За этот полет Нельсона потом наградили значком «Отличник Аэрофлота». Немного позже он был награжден значком мастера воздушного полета «300 тысяч километров».

Никто не знает, как сложилась бы дальнейшая судьба летчика. Ясно одно, он всегда бы был в авиации, но запомнившийся каждому советскому человеку день 22 июня 1941 года повернул судьбы по-своему...

7

Этот день, солнечный и веселый, Нельсон начал в привычном ритме четко налаженной жизни: надо сделать несколько обычных домашних дел, а потом предстоит прогулка с сыном Виликом. Интересно видеть их вместе: плотного, с энергичными движениями Нельсона и маленького подвижного Вилика. Они очень похожи друг на друга жестами, манерами, и у обоих совсем одинаково вспыхивают в глазах веселые огоньки, когда они смеются. Нельсон не жалеет времени на сына — каждую свободную минуту он старается провести с мальчишкой. Он даже решил открыть новый счет, о котором он и сообщил, смеясь, жене:

— Знаешь, Фира, у нас, летчиков, идет счет на километры налетанные, а я сейчас открою счет Вилику на нахоженные километры. Как ты думаешь, сколько

мы их вместе с ним находим за ближайшие три года? Наверное, сот шесть набегит?

Фира только улыбнулась в ответ. Нельсон всегда что-нибудь выдумает оригинальное.

— Итак, объявляю сегодняшний день 22 июня 1941 года исторической датой, — продолжал шутить Нельсон. — Мы с сыном начинаем первый километр.

Степанян оказался прав. Этот день действительно вошел в жизнь человечества как историческая дата.

Радио принесло миру весть о том, что гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Уже пролилась первая кровь на нашей земле, уже рвались первые бомбы, и первые беженцы толком не понявшие, что же произошло, уже покидали обжитые места.

Все изменилось вокруг. Война успела наложить свою печать на всех и все. То, чему раньше не придавалось значения, неожиданно стало главным и важным, а важное отошло на второй план. Главное — это все, что связано с войной, а остальные дела, мысли и чувства оказались второстепенными и ненужными.

...Радиопередачу первой услышала Фира. Сначала она не могла понять, о чем идет речь. Слишком уж все казалось невероятным. Все так же светит солнце, все кругом спокойно и радостно, и не может быть, что эти страшные слова, которые она слышит, — правда. У нее не было сил подняться и пойти позвать мужа.

Но он уже все знал. Ей не надо было видеть его лица, она это поняла по тому, как он рывком открыл дверь.

— Война началась. Я к военкому, — лаконично сказал он, надевая фуражку. Фира стояла неподвижно. Она не собиралась удерживать мужа, да это было бы бесполезно...

С того мгновения, когда он услышал это короткое и страшное слово «война», вся жизнь для него сконцентрировалась в таком же коротком слове «фронт». Он даже почти не испытывал иных эмоций, кроме страстного и острого желания очутиться там, впереди, где враг. Ему не нужно было менять себя, перестраиваться. В конце концов он был летчиком, и этим будто бы сказано все.

У Нельсона появилось мучительное физическое ощущение нарушенной гармонии мира. Он формулировал его для себя как несправедливость, зло, с которым нужно бороться сразу, сейчас, немедленно.

...У военкома уже толпился народ. В первых рядах Нельсон увидел летчика Михаила Клименко, который что-то горячо доказывал военкому. Тот протестовал. Степанян пробился через толпу взволнованных людей и стал рядом с товарищем.

— Зачислите нас в состав «летающих на фронт», — упрямо твердил Нельсон.

— Не имею права. Вы не имеете опыта военного летчика. Есть приказ — гражданских летчиков не брать, — отбивался военком.

— Но я же имею большой опыт как летчик, — настаивал Степанян.

— Есть приказ не брать. Не могу, — военком был непреклонен.

Однако Нельсона трудно было переспорить. Он приводил множество аргументов, уговаривал военко-

ма и даже прибегнул к такому запрещенному приему — напомнил военкому о том, что они давно знакомы. По-видимому, доводы, выдвигаемые Нельсоном, были достаточно вескими, и ему удалось в конце концов уговорить военкома. Направление получили всего шесть человек, хотя желающих были десятки.

Вечером было партийное собрание. Оно продолжалось недолго; все было ясно — надо бить врага, бить всеми имеющимися средствами.

Сначала Степанян получил назначение в Ейск. В понедельник ночью он уезжал. Фира была внешне спокойна — она понимала: Нельсон не мог поступить иначе, и сейчас для нее самое главное быть сдержанной и спокойной.

Она все это хорошо понимала, но понимала умом, а не сердцем. Просто никак не укладывалось у нее в голове, что вся жизнь пойдет иначе. Ей не надо будет вставать утром и провожать его на аэродром, не надо будет прислушиваться, не идет ли он по улице, не придется ей смотреть на пролетающий самолет, стараясь узнать по почерку машину мужа. Всего этого не надо, все отошло, но зато теперь надо другое: очень ждать и очень верить, что все это снова будет. И она знала, что у нее на это хватит сил, и это было главное.

— Я вернусь! Ты ведь знаешь, я не могу быть долго без людей. Жди меня и береги сына, — сказал он жене на прощанье.

А в далекий солнечный Ереван, в дом на тихой улице, где прошло детство Нельсона, в этот день им было отправлено письмо:

«Пока в груди моей бьется сердце, мой священный

долг защищать до последней капли крови дорогую Родину, наш прекрасный советский народ, наши цветущие города и села. Мое место — в первых рядах защитников Родины!» — писал он родным. Эти простые и мужественные слова повторяли в те дни сотни тысяч людей. Степанян действительно встал в первый же день войны на защиту родной земли.

...В поезде Нельсон не спал всю ночь. Это была первая бессонная ночь, первое звено в длинной цепи бессонных ночей, которые ему предстояли. Он думал о своих: о жене, которая провожала его спокойная и какая-то бесконечно молчаливая, о сыне, который еще ничего не понимал, но словно чувствовал что-то и не хотел отпускать отца. Думал он и о своих стариках в Ереване, которые сейчас, конечно, думают о нем и о других своих сыновьях. Он думал обо всем этом и чувствовал, как в нем нарастает ненависть ко всем тем, кто посмел бесцеремонно ворваться в его жизнь и повернуть ее по своей воле. Много вопросов задавал себе Степанян и искал на них ответа. Как воевать? Где? Сможет ли он? Когда и куда его направят? Пока это были только вопросы. Ответить на них могла только жизнь. Но одно было ясно для Нельсона — его место там, где уже сейчас нужны решительные и сильные люди, а он знал, что он таков, и это место — фронт. Скорей бы Ейск! Отсюда он начнет свою боевую дорогу.

...Ейск. Оказывается, здесь Степаняна уже ждали, но ждали для того, чтобы оставить инструктором, ждали потому, что знали: Степанян прекрасно справится с порученным ему заданием — научит молодых быть настоящими летчиками. А быть летчиком — это

не только уметь управлять самолетом. Все намного сложнее. Надо уметь воевать, а для этого недостаточно освоить технику пилотирования, уметь с блеском крутить различные фигуры, надо слиться с самолетом, стать единым одухотворенным оружием, нацеленным на врага. Только тогда можно стать настоящим воздушным бойцом — и Степанян мог научить молодых летчиков этому умению. Однако Нельсон стремился на фронт, он хотел сам, своими руками бить врага. И со всей свойственной ему настойчивостью он начинает осуществлять свою мечту. Вместе со своим товарищем Михаилом Клименко они борются за право воевать, они протестуют, подают рапорты, что хотят идти на фронт, что имеют сотни налетанных часов. Доказывают, что у них богатый летный опыт. И суровый, задерганный делами полковник разрешает дать Степаняну и Клименко боевые машины. Теперь дело только за самими летчиками. Надо учиться, и как можно скорее. Нельсон старается сжать время учебы до минимума, и через пять дней машина знакома ему до последнего винтика.

8

Теперь он может вступить в бой с врагом! Он готов. И Степаняна отправляют на фронт, на Балтику. Вот теперь-то здесь и пригодятся ему его храбрость, мастерство и хладнокровие.

Как известно, лучше всего люди проверяются в беде или в сложной обстановке. Война была тем пробным камнем, на котором проверялся каждый. Она по-

казала истинную суть человека, раскрыла души, заставила переоценить ценности. В это время больше чем когда-либо о людях судили не по словам, а по делам. Только тот, кто воевал вместе, знает правду о своем боевом товарище и может беспристрастно рассказать о нем.

Итак, начнем поиск. Как всегда обратимся к документам, которые уже помогали нам.

Вот перед нами лежит аттестационный лист.

Аттестационный лист

На присвоение воинского звания командиру 47 штурмового Авиационного феоdosийского полка 11 ШАНКД* ВВС КБФ Герою Советского Союза гвардии майору СТЕПАНЯНУ Нельсону Георгиевичу.

Аттестация

Талантливый командир. С апреля 1944 г. 47 ШАФП** под его командованием произвел 947 самолетовылетов на уничтожение плавсредств, живой силы и техники противника. Только за 10 дней боевой работы на КБФ произведено 304 боевых самолетовылета, уничтожено 2 транспорта, 3 СКА***, 1 тральщик, свыше 15 огневых точек. Свои потери — 2 экипажа. Лично тов. Степанян Н. Г. совершил 236 боевых вылетов, из них в 47 ШАФП — 24 успешных бое-

вых вылета, во время которых потопил два транспорта, 1 кан. лодку, 1 танкер, 2 СКА, 4 БДБ*.

Умело водит в бой группы штурмовиков и мастерски наносит бомбоштурмовые удары по противнику. Требователен к себе и подчиненным. Пользуется высоким авторитетом. Делу партии Ленина предан.

Достоин присвоения очередного воинского звания подполковника.

Командир 11 ШАНКД ВВС КБФ
подполковник Манжосов

24 июня 1944 года.

Вот и все, что сказано о командире 47-го штурмового авиационного полка Нельсоне Степаняне. На первый взгляд это сухие цифры, но в то бурное время, когда на счету была каждая минута, некогда было писать длинных характеристик. Но если мы представим себе хотя бы один воздушный бой, то эти скупые слова станут целой поэмой мужества. За этими лаконичными строчками скрывается бесконечно многое. Отвага. Смертельная опасность. Радость победы. Чувство боевой дружбы, когда один за всех и все за одного и когда не может быть иначе. А если попробовать перевести эти цифры в зрительно ощутимые образы, то мы увидим вытянувшиеся в длинную линию вражеские суда, которые никогда не будут бороздить наше море, сожженные самолеты, разбитые бронемашины, обгоревшие танки, замолчавшие навсегда орудия... Вся эта запоминающаяся картина не что иное

* БДБ — быстроходная десантная баржа.

* ШАНКД — Штурмовая авиационная новороссийская Краснознаменная дивизия.

** ШАФП — Штурмовой авиационный феоdosийский полк.

*** СКА — сторожевой катер.

как результат действий одного человека — летчика-штурмовика Нельсона Степаняна.

Да, стоит внимательно вчитаться в эту характеристику и еще раз повторить цифры...

47-й штурмовой авиационный полк! Целая пачка документов рассказывает о его боевых действиях. Но почти во всех документах — отчетах, донесениях, рапортах — наряду с 47-м штурмовым полком упоминается 8-й гвардейский штурмовой полк. Да, действительно, они воевали «крылом к крылу», вместе защищали огненную крымскую землю и вместе уничтожали врага, закрывая ему дорогу. Вот тут-то и выковывается та фронтовая дружба, которая идет потом через всю жизнь. У Степаняна было много друзей — его знали и любили многие. Любили за мужество, справедливость и доброту, за то, что на него можно было во всем положиться, что он никогда не подведет.

— Нельсон — ну, это человек обаятельной души, очень добрый! — с этого начался наш разговор о Степаняне с его фронтовым товарищем Героем Советского Союза Николаем Васильевичем Пысиным. — Он сразу со всеми сходил, — продолжал мой собеседник, — а когда летал, то всегда был первым. Настоящий летчик.

Надо сказать, летчики — народ скромный, предпочитают рассказывать о других, а о себе помалкивают. Таков и Николай Васильевич. С волнением он вспоминает о боевом друге, о себе же говорит так: «Наш 8-й штурмовой гвардейский» или: «Обо мне что говорить, а вот ребята...» И все. А о нем самом и, как потом выяснилось, еще о многих, кто знал Степаняна, есть что сказать...

...В судьбе и характерах Нельсона Степаняна и Николая Васильевича Пысина много общего. Они оба представители одного поколения. Будучи совсем молодым Пысин, стал летчиком, он пошел в авиацию по призыву комсомола. У Николая была своя заветная мечта — хотелось стать полярным летчиком. Потом курсантов перевели в Ейск, в Морское авиационное училище. Прошел год — и Николай Пысин уже лейтенант в фуражке с крабом, которая ему очень идет. Получено назначение на Тихоокеанский флот, где он служит в разведывательной авиации, летает на морских летающих лодках МБ-Р2 и МС-2. Так продолжалось до 1943 года. Война застала его на Дальнем Востоке. Наверное, получилась бы целая тетрадь из тех рапортов, в которых он просил об отправке на фронт. Вместе с ним рвался на фронт и его друг Петр Кошелев. Ответ обоим был один: «Не время, когда надо будет — пошлем». Такое время наступило в мае 1943 года.

Лаконичными фразами Пысин рассказывает о себе. Но даже из этих похожих на краткую характеристику слов уже можно составить о нем представление. Взять хотя бы только отправку на фронт. Невольно вспоминаешь Нельсона Степаняна и его друга Михаила Клименко, которые так же настойчиво уговаривали военкома и доказывали ему, что их место только на фронте.

— А как вы воевали дальше? — спрашиваем у Николая Васильевича.

— Как все, — спокойно отвечает он и снова переводит разговор на Степаняна.

— Я не был знаком с Нельсоном Степаняном до

1943 года, — задумчиво говорит он. — Знаю только, что он начал войну на Черном море.

Николай Васильевич прав: хотя Степаняна сначала послали на Балтику, буквально через несколько дней его с группой летчиков перебросили на Черное море.

А было это так. Прибыв на Балтику, Нельсон попал в эскадрилью, где командиром был опытный ас Николай Васильевич Челноков. Степаняну повезло: командир ему попался стоящий — опытный, боевой и к тому же воспитавший на своем веку не один десяток настоящих летчиков. Нельсон много слышал о нем от товарищей и был рад, что попал именно к нему. Поэтому Степанян так обрадовался, когда узнал, что он и еще несколько человек вошли в группу, возглавляемую Челноковым и направляющуюся в Воронеж за новыми самолетами ИЛ-2; необходимо было как можно быстрее освоить их и перебраться на Балтику. Тогда, в самом начале войны, одноместные ИЛ-2 считались новой техникой и летать на них начинали только умелые летчики, мастера своего дела.

Группа балтийцев прибыла в Воронеж, где их ждали новенькие самолеты. Но радость летчиков была преждевременной — готовые к вылету машины предназначались не для них, а для черноморцев.

— Придется подождать дня три, пока подготовим машины для вас, — объявили Челнокову, — а вы пока тут осваивайтесь, отдыхайте.

Особенно отдыхать не пришлось, да, по правде сказать, и не хотелось: какой может быть отдых, когда идет война? Приказ командования пришел своевременно: «Отогнуть десять готовых самолетов на юг,

а тем временем машины для Балтики будут готовы».

Челноков первым опробовал самолет. Проверил его скорость, маневренность, технические данные. Машина хорошая — проста в управлении, намного лучше вооружена, чем предыдущие. Командир внимательно проследил, чтобы каждый летчик как следует проверил предназначенный ему самолет, заставил каждого сделать несколько полетов, в том числе на полигон. Наконец все проверено, все в порядке — теперь можно лететь.

Но группе пришлось изменить маршрут — в пути их догнал приказ: немедленно идти под Кременчуг, где сосредоточилось много техники и живой силы противника.

Самолеты пошли на задание. Уже издали были заметны черная пелена дыма и яркие огненные полосы и вспышки — горел город Крюков, подожженный гитлеровцами. Вокруг города раскинулись поля с небурными стогами сена. Бросился в глаза странный и непривычный контраст между горящими зданиями, затянутыми траурной дымной вуалью, и аккуратно сложенными стогами. Степанян смотрел вниз, и ему на память пришла другая, чем-то похожая на эту картина.

...Их лагерь разместился под Кулешевкой, где проходят ученья. До чего же давно это было, наверное, прошла целая вечность! На поле такими же рядами, как эти стога, стояли палатки. Его палатка напротив той, где живут Фира и Ирина... Нельсон невольно улыбается. Он не может вспоминать без смеха эту «выставку»: «Равняйтесь на самых аккурат-

ных», которая так рассердила девушек. Они ведь тогда поссорились с Фирой и даже не разговаривали. Поссорились в первый и единственный раз. Что-то она делает сейчас? Наверное, сидит с Виликом и говорит малышу что-нибудь тихое и ласковое. Да, как все это теперь далеко и кажется таким невероятным! Хорошо бы хоть минутку побыть дома, посмотреть на своих...

Вдруг Степанян увидел трассы пушечных и пулеметных очередей. Стрелял Челноков. Как будто кто ждал этих выстрелов, как будто это был сигнал к наступлению: поле, такое спокойное и мирное, вдруг ошетинилось зенитными пушками. Из стогов сплошными потоками полились пулеметные очереди. Земля мстила небу за то, что ее посмели побеспокоить. Только наметанный глаз опытного командира мог заметить хитрую маскировку противника и разоблачить его.

Бой начался.

Степанян весь напряжился, собрался. Для него сейчас важно одно — не отстать от товарищей и точно поразить цель. Бой был короткий, но жестокий. Челноков, наведя панику у фашистов, увел свою группу на Кременчуг. Дошли благополучно, если не считать, что в фюзеляже самолета командира была огромная дыра от осколочного снаряда и десятки осколков впились в тело машины. Не многим лучше выглядели и другие самолеты.

Техники начали приводить в порядок машины, тщательно «штопать» их, готовить к следующим встречам с врагом. Челноков подошел к Степаняну.

Тот сидел недалеко от своей машины и сосредоточенно смотрел куда-то вдаль.

— Что, Нельсон, получил боевое крещение? — громко сказал командир.

Степанян ничего не ответил. Челноков опустился рядом с ним на теплую, еще не остывшую от дневного солнца землю. Ему было понятно это состояние, когда толком не знаешь, что произошло и очень трудно разобраться в том, что с тобой происходит. Он сам испытал все это, когда был в своем первом бою, еще на Финском фронте. Тогда он тоже так сидел, молчал и думал.

— Послушай, Батя, — Степанян назвал командира так, как его называли старые летчики, — ведь я сегодня первый раз в жизни убивал людей. Убивал и думал при этом: надо попасть точно, чтобы ни одна пуля не пропала зря. И я не жалею об этом — это они заставили меня убивать, а таких выродков нельзя оставлять на земле...

Нельсон снова замолчал.

— Ты прав, Нельсон, сейчас надо твердо знать одно — это не человек, а зверь, и твой долг уничтожить его, чтобы твоему сыну никогда не пришлось бы воевать. — Челноков положил руку на плечо Степаняну. — А сейчас иди отдохни.

Степанян крепко запомнил этот разговор, хотя и нелегко было ему по-новому осмысливать мир. И потом, когда он уже был опытным командиром, он всегда старался после первого боя поговорить с новичками и подбодрить их. Он понимал, как это трудно мирному человеку правильно понять страшный, но справедливый смысл приказа: «Убей врага»...

Снова группа Челнокова получает новое задание — разбомбить противника на переправе через Днепр. Летчики старательно «прочесали» большой район, но нигде врага и его следов не обнаружили. «Не может быть, чтобы гитлеровцев нигде не было», — подумал Челноков и решил вернуться на то памятное поле со стогами, где произошел бой. Он не ошибся и на этот раз: немцы со свойственной им педантичностью снова привели поле в первоначальный вид, и золотистые стога опять красиво поблескивали на солнце. Но эта идиллическая картина уже не могла обмануть летчиков. Бой начался. И здесь Нельсон впервые увидел, как гибнет товарищ. Только черный столб дыма остался на том месте, где только что был самолет...

Бой кончился, и группа ушла по направлению к Полтаве. И здесь вечером Степанян еще раз понял, как важно, когда с тобой рядом есть старший товарищ, который все понимает. Нельсон хотел что-то сказать, но Челноков мягко прервал его.

— Смерть надо переживать молча! — только и сказал он.

Степаняну многое стало ясно: на фронте другая жизнь, другое мерило горя — лучше ничего не говорить о погибшем, а посидеть и помолчать или вспоминать о нем так, как будто он вышел, но обязательно он вернется. И это он тоже навсегда запомнил.

Прошло уже больше недели, когда летчики, наконец, довели машины до Черного моря. В пути пришлось несколько раз останавливаться и запастись горючим. Наконец долгожданное море — задание выполнено, самолеты доставлены по назначению.

Но тут группу ожидала неожиданная новость. По распоряжению командования Н. В. Челнокова отправили обратно в Воронеж за самолетами для Балтики (его там ждали другие летчики), а Степаняна с товарищами оставили на новых машинах на Черном море.

Все были очень расстроены — еще бы, привыкли к командиру, чувствовали себя с ним просто и в то же время надежно. А теперь надо расставаться. Особенно переживал Степанян.

— Что же, Батя, вас «уводят»? Неужели нельзя нам тоже на Балтику? — горячился он.

Но и он и командир прекрасно понимали, что все это напрасные сожаления: приказ есть приказ и надо его выполнять. Так и остался Нельсон на Черном море и стал воевать уже в одесском небе, хотя в душе по-прежнему считал он «своим» полком тот полк на Балтике, где он начал свой боевой путь.

...Энергично наступают немцы, стараясь уничтожить все на своем пути. Они идут на любые преступления: расстреливают мирное население, разрушают и сжигают дома. Применяют «живые щиты» при наступлении — идут в атаку, прикрываясь женщинами и детьми. Ведут себя как последние бандиты. Темная вражеская сила двигалась по советской территории. Зловещим чернильным пятном расползается гитлеровская армия на карте страны...

Чувство ненависти охватило Нельсона. У него, у человека, отличительной чертой характера которого была доброта, утвердилось только одна четкая и острая мысль, не дававшая ему покоя ни днем, ни

ночью, — уничтожить врага! Уничтожать как можно больше!

А вражеские полчища наступали, стараясь использовать свои временные преимущества. С запада на Одессу шла румынская кавалерия, за ней артиллерия, мотопехота, танки. Фашисты рассчитывали на молниеносную войну, и такое жесточайшее сопротивление было для них неожиданностью. Сопротивлялись и земля, и море, и небо. На помощь нашим наземным войскам была брошена авиация. На каждого летчика падала огромная, сверхчеловеческая нагрузка, выдержать которую, казалось, было просто невозможно. Но это только казалось. Люди делали все и даже сверх того, что им было приказано делать. Никто не жалел ни своей жизни, ни сил. Время приобрело совершенно другое значение. Оно стало главным. Оно уже не измерялось годами, как раньше, когда человеческая жизнь, казалось, не имела предела. Теперь счет шел в лучшем случае на часы, а то и на минуты и секунды. Судьба человека решалась мгновениями, и это знали все. Знали и все равно шли на все, чтобы уничтожить фашистскую нечисть.

Энтузиазм мирных дней превратился в ярость военных будней. Те, кто умел достойно трудиться, учились умело и отважно воевать. Снова учеба, снова преодоление отсталости, на этот раз в военном деле, в той области, где враг был особенно подготовлен и вооружен. Сказывались ошибки руководства в первые дни войны. Сказывалась молодость, отсутствие опыта, отсутствие техники и знаний. Вчерашние рабочие и крестьяне сражались с армией, руководимой опытными военачальниками. Технике, создаваемой всей Евро-

пой, противостояла техника молодой Советской республики. Опыту завоевателей — страстное стремление победить. Наглости — отвага.

Тяжелы первые дни войны. Горьки долгие месяцы поражений. Невыносимо смотреть на откатывающуюся на восток армию. Больно и обидно. Но враг не учел одного: война стала общим делом, она касалась каждого, война стала всенародной!

Враг встречал наши самолеты жестоким заградительным огнем, но ничто не могло помешать отважным воздушным бойцам. Среди них был и Нельсон. Вот когда пригодилось его мастерство и подготовка, полученная еще до войны. Ведь еще тогда, в то далекое мирное время, он считался одним из лучших инструкторов на курсах высшего пилотажа.

С самого начала Степанян уже проявил себя. Он прорвался через огненную завесу зенитных снарядов, спикировал на вражеские позиции и сбросил бомбы. Высоко в небо взлетели осколки разбитых орудий, как факелы запылали танки.

Каждый воздушный бой, в котором участвовал Степанян, дорого обходился врагу. Он действовал так напористо, смело и стремительно и в то же время так виртуозно, что его стали посылать на выполнение самых трудных и ответственных заданий. И он выполнял их блестяще, не жалея себя. А ведь каждый боевой вылет требовал от летчика предельного напряжения сил, собранности и умения. Нельсон многое умел, но он старался уметь и знать еще больше. Он всегда с вниманием присматривался к действиям товарищей, узнавал у них подробности боя, поведение противника, его тактические приемы.

— Нельзя думать, что противник слаб и беспомощен. Лучше его переоценить, чем недооценить, — всегда говорил он.

Это было для Нельсона непреложным законом, и так он поступал всегда.

9

...Надолго запомнился Степаняну один из боев. Запомнился, наверное, потому, что был он одним из первых, потому что впервые младший лейтенант Степанян испытал несравнимое ни с чем чувство ненависти к врагу, воплотившееся в холодный расчет. Этот бой запомнился, наверное, и потому, что дал летчику уверенность в своих силах, без которой немислимо побеждать. Возможно, еще и потому, что был жаркий мирный день в июле и разморенная зноем пшеница так лениво переливалась внизу, что сама мысль о враге, топчущем эту мирную теплую украинскую землю, на мгновение показалась ему странной, нереальной, словно тягостный сон.

Но мысль эта мелькнула и ушла, растворилась, словно белостенный хуторок, только что оставшийся позади штурмовика. Земля неслась навстречу ИЛу, расчерченная геометрическими узорами колхозных полей. Для истребителей и бомбардировщиков земля может быть неторопливой, плавной, но для штурмовика, привыкшего к малым высотам, она всегда стремительная и близкая.

Может ли летчик вспомнить свои мысли после боя, когда еще разгоряченный устало вылезает из ка-

бины? Наверное, нет, потому что в бою мысли несутся с той же скоростью, что и набегающая земля. Тогда весь он, до последней клеточки тела, напрягается, оживая главной минуты — схватки с врагом. Некогда подумать о чем-нибудь, вспомнить — время для штурмовика сжимается в плотнейшие грохочущие секунды. Но независимо от воли младшего лейтенанта где-то в глубине его подсознания жили и образы мирной жизни: ослепительный в лучах солнца Баку, прикосновение теплой ладони жены, вопрошающие глаза сына. Эти образы — безмолвные спутники пилота — не мешали, они помогали ему.

Внезапно он заметил впереди широкую, похожую на плотное облако завесу пыли и одновременно боковым зрением увидел, как ведущий слегка покачал крыльями.

— Атакуем, — услышал он в шлемофоне голос командира, но и без команды он знал, что надо делать.

Облако быстро росло, и опытный глаз летчика уже отчетливо различал огромную колонну фашистских войск, растянувшуюся километра на два. Шла румынская кавалерия, артиллерия на конной и автомобильной тяге, бронетранспортеры, танки. Прекрасная цель для штурмовика!

И опять он затруднился бы ответить на простой вопрос: о чем думал он в оставшиеся до боя секунды, да и думал ли он вообще о чем-нибудь. Ведь он не был уже просто парнем, родившимся двадцать восемь лет назад в маленьком городке Шуша. Не только его ИЛ, но и он сам были оружием, нацеленным на врага;

и все служило лишь этой цели. Колонна внизу уже оцетинилась короткими вспышками: начали работать зенитные пушки.

Потом уже Нельсона спрашивали не раз и молодые летчики и журналисты: страшно бывает в бою? И он всегда недоуменно пожимал плечами. Он просто не мог ответить на этот вопрос. Ему не хватало времени в реве мотора и бешеной пляске земли подумывать о том, боялся ли он. Наверное, все-таки он не боялся, потому что страх сковывает человека, потому что страх — это сомнение. А он в бою не сомневался. Наоборот, в нем всегда жила твердая уверенность, что его бомбы и пули точно накроют цель. Об остальном он не думал. Об остальном думать было некогда.

...Первый заход. Справа, слева, снизу, сверху загустевший воздух вспыхивает взрывами зенитных снарядов. Штурмовик качнуло. Еще раз. Как в странно замедленном фильме, Нельсон видит лошадей, в смертельном ужасе сбрасывающих седоков, скатывающиеся в кювет фигурки людей. Еще какая-то малая доля секунды — и под ним бронетранспортеры и танки. Ему даже кажется, что он слышит злобный рев их моторов. Пора. Всем телом он чувствует, как бомбы отрываются от ИЛа, и каким-то особым чувством угадывает, что они легли в цель.

Крутой вираж. Спело-желтая стена пшеницы встает на дыбы, закрывая небо. Второй заход. Теперь уже это не та колонна, только что бесконечной лентой тянувшаяся по украинской земле.

Два танка горят, третий слепо вертится на одной гусенице и замирает. Лежит на боку бронетранспор-

тер, и — кажется ли это Нельсону — задранные в воздух колеса все еще продолжают крутиться.

Яростная радость охватывает его, яростная и холодная. Пора. Снова бомбы отрываются от штурмовика, и тут же звук глухих тугих разрывов догоняет его — цель поражена.

Бомбы кончились, но Нельсон продолжает заходы. Он видит на дороге огромный фургон и шестерку взмыленных лошадей, мчащихся во весь опор. На крыше фургона и по бокам четкие красные кресты. Рука, потянувшаяся к гашетке пулемета, замерла. Красный крест... Штурмовик с ревом пронесется почти над самой крышей фургона, лошади в ужасе дергаются, и неуклюжая повозка валится на бок, переворачивается и замирает на обочине. То ли потому, что летчик видел красный крест, то ли потому, что уж очень странно выглядел этот фургон, лежащий колесами кверху, но он развернул самолет и снова пошел к нему на бреющем полете.

Размахивая руками, из перевернутого фургона выскакивали офицеры и полуголые женщины. Красный крест на передвижном румынском публичном доме!.. Еще один вираж. Теперь спокойно, не торопиться. Пальцы на гашетке. Бегущие фигурки падают в такт биению пулемета. Пусть этот святотатственный красный крест превратится в множество деревянных крестов.

Четыре лошади остались лежать у фургона, а две, разорвав построения, помчались по пшеничному полю, оставляя за собой волнующийся, словно от копыт, след. За ними устремились и другие лошади,

сбрасывая седоков, перепрыгивая в ужасе через горящий металл.

Нельсон еще раз нажал на гашетку, но пулеметы и пушки молчали. Кончились боеприпасы. Прижимаясь к земле, он повернул к аэродрому и тут заметил, что уже изрядный табун, голов триста, не меньше, мчится по направлению к линии обороны наших войск.

Возможно, еще и поэтому запомнил Нельсон Степанян этот бой над степью. Запомнил, когда сообразил, что превратился из воздушного бойца в воздушного пастуха. Штурмовик-пастух, гонящий ревом своего ИЛа вражеских коней — это бывает не часто... И потом еще много дней товарищи спрашивали его: — Нельсон, кого пригонишь сегодня?..

Вспоминал он и другой бой. Бой за переправу на Днестре. Днестр... Красавец Днестр, не раз воспетый писателями и поэтами. Наверное, каждый школьник знает и помнит знаменитые гоголевские слова: «Чуден Днестр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои... и будто голубая зеркальная дорога без меры в ширину, без конца в длину реет и вьется по зеленому миру...»

И в этот раз была так же величава красавица река, но только несла она свои воды не по «зеленому миру», а по миру, полному крови, гари и огня. Гитлеровцы во что бы то ни стало стремились форсировать Днестр, утвердиться на его берегу. Уже смеркалось. От берега, занятого фашистами, отчалило несколько паромов с гитлеровцами. На воде негде укрыться, это не лес. И немцы это прекрасно понимают. Гитлеровские зенитные батареи начинают ра-

боту. Свист и грохот снарядов. Еще бы, летит «черная смерть», как называют они наши ИЛы, эти черные горбатые машины, покрытые толстой броней. Наши самолеты не теряют времени. Ведь штурмовик недолго может находиться над целью. В его распоряжении находятся считанные секунды. А ему надо с ювелирной точностью сбросить свой смертельный груз, чтобы он попал как раз на объект атаки. А эти объекты бывают различных размеров, иногда очень небольшие. И часто они не стоят на месте. Они двигаются, стараются увернуться от бомб, как эти лодки и понтоны, которые со всей возможной скоростью стремятся преодолеть широченную реку, называемую теперь на военном языке «водной преградой».

Степанян и еще два штурмовика работали слаженно. Казалось, что их машины неуязвимы для противника. Точными, рассчитанными до доли секунды движениями они сбрасывают бомбы. Взрыв!.. Взмываются вверх фонтаны воды, идут на дно оглушенные и раненые враги, а с теми, кто пытается добраться до берега, расправляются уже наши пехотинцы. Почти для двухсот гитлеровцев этот день стал последним днем пребывания их на земле, а для младшего лейтенанта Степаняна и его двух товарищей это был обыкновенный рабочий день, и таких дней предстояло им еще не мало.

Несмотря на огромные потери, противник продолжал наступать. Как черные змеи, ползли его войска по нашей земле. Враг чувствовал, что ненавистью к нему пропитано все: даже земля, по которой он шел, горела и взрывалась под его ногами. Воевали все —

молодые и старые, женщины и дети. Началась священная партизанская война...

Нельсон Степаныч получил очередное задание. Как всегда, он рассчитал и разметил маршрут на карте, нанес наиболее характерные ориентиры. Записал время полета по этапам, расстояние, высоту, курс — все, что облегчало ориентировку и помогало точно выйти на цель.

На этот раз воздушный бой был недолгим. Штурмовики были почти над целью, когда немецкая зенитная артиллерия вступила в действие. Советские летчики вошли в пике и открыли пушечный огонь, а выходя из пике, сбросили бомбы. На земле разгорелся пожар. Значит, поработали не зря! Вот замечались в панике черные фигурки — хорошо, сейчас мы вам еще добавим! Нельсон, увлекшись боем, не заметил, как зенитный снаряд пробил крыло самолета. Степаныч продолжал штурмовку. Взрыв! Еще взрыв! Наверное, здесь находились цистерны с горючим. Теперь можно возвращаться! Пулеметная очередь раздалась совсем рядом, и острая боль прошла ногу. Немецкие истребители зашли в хвост его самолета. Еще пулеметная очередь! Отказывает руль поворота. Приходится продолжать полет на плохо управляемом, горящем самолете. Высота уменьшается. Еще, еще...

Раненый летчик очнулся уже на земле. Взял карту. Сверился. Судя по всему, он за линией фронта, в немецком тылу. Надо быть предельно осторожным, чтобы не попасть к врагу. Попробовал встать, тяжело опираясь руками о землю. С трудом поднялся. Все равно надо идти, идти во что бы то ни стало! Волоча ногу, сделал шаг, потом еще один, другой. Так он и

двигался, считая каждый шаг. Но недаром Нельсон верил, что он везучий — счастье не изменило ему и на этот раз — встретились партизаны. Они помогли Степанычу прорваться к своим, а здесь, несмотря на его протесты, пришлось отправиться в госпиталь в Харьков. Почти целый месяц он боролся с врачами, доказывая, что его место не здесь, а среди боевых товарищей. Но все-таки двадцать дней его заставили провести на больничной койке. Наконец выписка!

И Степаныч просит направить его на Балтику.

10

Балтика... Суровая Балтика... Седые морские волны с вечным шумом катятся на низкие берега. Туман. Ветер. Кажется, что ничего не может быть здесь близким и понятным для человека, родившегося на юге и привыкшего к радостной солнечной природе. Но Степаныч не чувствовал себя здесь чужим, он на месте. Он давно мечтал попасть в Ленинград, повидать этот замечательный город, о котором он столько слышал и читал. Хотя тысячи километров пролегли между Баку и Ленинградом, но они связаны между собой тесными узами. Нельсон хорошо помнил, как еще в 1932 году на завод, где он работал, пришло письмо от рабочих ленинградского завода «Красный путиловец». Они обратились к нефтяникам с призывом встретить XV годовщину Октября новыми трудовыми победами.

«Мы, краснопутиловцы, — писали ленинградцы, — штурмовавшие последнее правительство буржуазии в

Зимнем дворце, дравшиеся на всех фронтах с помещиками и капиталистами за землю, за заводы, фабрики и промыслы, зовем вас, бакинские нефтяники, бороться за новые успехи в борьбе за нефть, за социализм».

Специальная делегация ленинградских рабочих приехала в Баку и вручила нефтяникам два боевых знамени, под которыми они брали Зимний. Эти знамена были переданы на два лучших предприятия, одним из которых был завод, где работал Нельсон.

Виктор Иванович Циплаков тогда собрал молодежь и рассказал им о письме рабочих с Путиловского завода. Больше всего Степанюну запомнились и понравились слова — «баррикады нефти». Обращаясь к нефтяникам, ленинградцы выражали уверенность, что «под боевыми знаменами путиловцев на баррикадах нефти вы повторите славные победы на баррикадах Зимнего дворца». И действительно, нефтяники с честью одерживали победы на своих нефтяных баррикадах. Еще тогда Нельсон для себя твердо решил обязательно побывать в Ленинграде, в этом замечательном, знакомом с юношеских лет городе. Он несколько раз собирался поехать, первый раз, когда послали его по путевке в Москву, но тогда не успел — слишком много впечатлений было в Москве, тем более что тогда он был не один, а вместе с Фирой. Как далеки сейчас от него были его Фира и Вилик! Они в Ташкенте, куда им пришлось эвакуироваться. Отец и мать Нельсона в Ереване, а брат воюет где-то, даже нет адреса полевой почты. А он, Нельсон, под Ленинградом. Всех разбросала война, скомкала, перевернула всю жизнь. Ну ничего, все придет в норму,

только надо действовать, а не рассчитывать на другого. А когда прочел Степанян в газете «Ленинградская правда» письмо-клятву бакинцев работать так, чтобы «самолеты и танки Красной Армии, могучие корабли Балтики, охраняющие подступы к Ленинграду, никогда не испытывали недостатка в высококачественном бензине и первосортных маслах» — воспринял он эти строки как напоминание ему с честью держать марку родного города.

Здесь, под Ленинградом, Степанян снова встречается со старыми товарищами, со своим командиром Николаем Васильевичем Челноковым.

Он ждал этой встречи давно, думал о ней, когда лежал еще в госпитале. Поэтому, когда он узнал, что полк на прежнем месте, он так торопился на аэродром на свидание с товарищами, что даже не побрился как следует.

Вот появились черные точки самолетов. Ближе. Еще ближе. Теперь это уже не точки, а знакомые горбатые машины. Самолеты уверенно пошли на снижение.

Нельсон торопится к первому самолету — здесь должен быть командир.

Он не ошибся, ведущий — Челноков. Не спеша он выходит из кабины, неузнающим взглядом смотрит на бегущего к нему летчика в унтах и нескладной куртке и вдруг:

— Нельсон, родной! Ты ли это?

— Батя!

Летчики крепко обнялись, расцеловались, похлопали друг друга по плечам и спине.

— Ты чего это не бреешься? Всего щетиной обо-

драл, — сурово, чтобы скрыть волнение, сказал Челноков. — Забыл, что всегда надо быть в форме?

Степаний молча стоял и улыбался; наконец-то он опать дома, в своем полку, среди товарищей.

— А ты вроде как постарел, — задумчиво сказал Челноков, внимательно оглядев стоявшего перед ним летчика. — Стал совсем, совсем другой. Смеяться-то ты хоть не разучился?

Нельсон улыбнулся и сразу стал похож на прежнего, потеплели глаза и разгладились морщины.

— Смеяться я никогда не разучусь. А изменился я здорово. Сам вижу. Если бы ты знал, как я их ненавижу! Просто места себе не нахожу от злости. Хорошо, что я, наконец, здесь...

Им было что вспомнить и о чем поговорить...

Начались суровые военные будни. Будни, которые забирают тебя целиком. Когда каждая минута на учете, когда нельзя принадлежать самому себе даже самую крохотную частицу времени. И так каждый день, и в этом твоя работа, твой долг и твоя совесть. Трудно поверить, что человек может выдержать все это и остаться человеком с чувствами и мыслями. После каждого полета необходим отдых, но какой может быть отдых, когда перед глазами стоит многострадальный и героический Ленинград.

Гитлеровцы всячески пытались уничтожить город Ленина. Они обстреливали его из дальнбойных орудий, бомбили с воздуха, все сильнее и сильнее стягивали петлю блокады. Фашисты надеялись задушить город голодом, но все их попытки были тщетны. Город — обескровленный, но не сдавшийся — жил и

сражался. Это был уже не просто город, а город-фронт, и помощь ему шла отовсюду.

Однажды Нельсон вместе с товарищами шел на задание. Внизу раскинулись проспекты и улицы великого города.

Да, Ленинград не был похож на столицу Армении с ее ослепительным солнцем и глубокими фиолетовыми тенями. Величественный и прекрасный, проплывал он сейчас под Степанием сквозь клочья тумана. Решительная суровость его опустевших проспектов заставляла сердце Нельсона сжиматься.

Вот купол Исаакия, вот простор Марсова поля. Не верилось, не хотелось верить, что враг может стоять на самых подступах к городу, может с холодной жестокостью посылать снаряд за снарядом в жилые кварталы. Мысль была чудовищной, противостественной, но он, Нельсон Степаний, знал, что от нее не уйти, ибо линия фронта, не раз встречавшая его яростным зенитным огнем фашистских батарей, была ему слишком хорошо знакома. Порой он испытывал физически нестерпимую ненависть к этой линии, гигантским удавом опоясавшей город; он видел ее во сне, эту линию, очерченную вспышками артиллерийских залпов. Теперь он летел к ней, к этой линии...

Облака, низкие, рваные облака нависли над заливом. Только опытный летчик, уверенный в своем мастерстве, мог рискнуть продолжать полет. Тяжело ощущая каждый метр всем телом, как будто бы не мотор, а он сам поднимал самолет, Степаний набрал высоту до пятисот метров. Его машина шла рядом с машиной командира. Незаметно для врага все соединение достигло намеченной цели, и огненный

шквал обрушился на противника. Беспорядочный огонь растерявшегося врага не мог остановить штурмовиков. «Уничтожены огромные скопления живых сил врага» — было написано позже в донесении. Сотни гитлеровцев сменили временный адрес своей полевой почты на постоянную прописку в ленинградской земле. Но что это? Нельсон вдруг увидел, как уцелевшая вражеская батарея поливает свинцом машину командира.

Не задумываясь, Степанян бросил свой самолет вверх, в облака. Пике. Метко сброшенные бомбы точно накрывают цель. Огромное пламя, кажется, достает до неба, и гулкий взрыв оглушает. Вместе с батареей Нельсон Степанян уничтожил и склад горючего...

Такие дни были не редкостью у штурмовиков. Летчики работали добросовестно, и лучшей наградой для них была благодарность земли. Что могло быть приятней для воздушных бойцов?

11

Степанян воевал дерзко. По его определению, дерзость эта складывалась из трех частей: точность, опыт и ненависть. Ненависть к врагу. Дерзкий летчик стал известен всей Балтике. На его текущем счету было уже немало уничтоженных самолетов. Нельсон как-то уж очень ловко умел привлекать к себе внимание противника, заставляя его демаскироваться. Много огневых точек было уничтожено отважным летчиком.

— Когда я летаю, то выманиваю немцев шокола-

дом, — шутил он. — Я им покажу кусочек, а они за мной летят. Вот тут-то я их и угощаю. Даю им попробовать сладкого.

Надолго запомнили фашисты такое угощение. Но особенно стал известен Степанян после одного задания.

...Он летел к линии фронта. Обычно он пересекал ее, прорывая зенитный заслон, но сегодня у него совсем другое задание. Он должен пролететь не сквозь нее, а вдоль, над нею, чтобы вызвать на себя весь ее огонь и точно засечь вражеские батареи.

Степанян был опытным летчиком со многими десятками боевых вылетов за плечами, и он знал, что его ожидает. Скорее всего он не вернется, но слова эти были пустыми и как бы не касавшимися его.

Пора набирать высоту. Самолет задрал нос и полетел вверх. Выше, еще выше, чтобы набрать высоту для пикирования. Вот она, эта линия, ненавистная петля. Пора. Штурмовик резко идет вниз. Перегрузка дает себя знать, но мысль работает четко и стремительно. Он вышел из пике метрах в пятнадцати от земли и перевел машину в бреющий полет. Он знал, что летит слишком низко для вражеских зениток, но зато сотни автоматов поливали его огнем. Он мчался в сплошном ливне трассирующих пуль, но не сворачивал в сторону. Именно этот ливень подсказывал его направление.

Как одиноки были его пулеметы в этом море вражеского огня! Но его пули доходили до цели. Он знал это, чувствовал. Он видел, как очереди штурмовика выковыривали немцев из окопов, буквально выбивали их оттуда.

Машина то и дело вздрагивала, но мотор продолжал реветь грозно и спокойно. Это была даже не разведка, это был какой-то вихрь, пронесшийся над немецкими позициями и людьми внизу; наверное, казалось, что не один, не два, а множество самолетов поливают их свинцом.

«Задача была выполнена блестяще», — так резюмировала этот необыкновенный полет газета «Красный Балтийский флот» 16 октября 1941 года.

Когда штурмовик приземлился на родном аэродроме, Степанян выключил мотор и несколько минут сидел в кабине не шевелясь. Потом молча вылез, посмотрел на пробоины в крыльях и в фюзеляже и пошел докладывать. Считать пробоины было некогда, впереди еще много работы... Именно работы: тяжелой и смертельно опасной, но в то же время и нужной. Потому что ее никто не может делать за тебя, и ты ее никому не можешь передоверить. Каждодневные будни и каждодневные подвиги. Вылет. Короткий отдых. Опять вылет. Снова отдых. А если не хочется отдыхать и душа снова рвется в бой, потому что еще много фашистской нечисти ходит по нашей земле? А если товарищ не вернулся с задания, тот, чей самолет ты привык видеть рядом со своим, товарищ, чья койка стояла рядом с твоей и чьи письма ты читал и перечитывал, переживая вместе с ним каждую строку? Что делать тогда, когда кажется просто невозможным удержаться и не сесть за штурвал? И приходится сдерживаться, сдерживаться изо всех сил.

И Нельсон ждал. Он научился сдерживаться и учил этому других. Особенно молодых, которым многое казалось простым и которые считали, что основ-

ное — это совершить подвиг... Они верили Степаняну, вернее — старались верить, когда он говорил, что нельзя «лезть в самое пекло», хотя молодежи казалось, что он нарочно охлаждает их воинственный пыл, а сам не соблюдает этого золотого правила. Действительно, то, что делал Степанян, восхищало молодых, но оно не было примером осторожности. Ему ничего не стоило вести машину прямо на открывшую огонь зенитную батарею и точным ударом заставить ее замолчать. Причем летчик не торопился уйти с поля боя. Он делал это только тогда, когда окончательно убеждался, что эта батарея уже больше никогда не будет бить по нашим самолетам.

Они даже знали об одном случае, когда Степаняну здорово влетело от командира.

А было это так...

...Группа штурмовиков обнаружила колонну фашистских танков. Еще издали летчики увидели темные движущиеся точки. «Цель впереди!» — предупредил командир Герой Советского Союза Николай Челноков. Теперь главное — не промахнуться. Самолеты пошли на снижение. Совсем низко прошли они над шоссе. Пора!

Гитлеровцы прекрасно видели приближающуюся к ним все ближе и ближе «черную смерть». Стена огня, в которой, кажется, не было ни одной бреши, встала перед ИЛами. Автоматы, зенитки, пулеметы — все было пущено в ход. Но недаром Челноков считался мастером штурмовки по наземным целям. Его имя было хорошо известно немцам, и они старались избегать встречи с ним, так как знали, что она вряд ли повторится, разве только на том свете.

Да, на текущем счету Николая Челнокова, защищавшего свой родной Ленинград, где он жил, рос и учился, были десятки уничтоженных танков, автомашин, большое количество живой силы противника.

Многие летчики учились у него, мастера-аса, перенимали опыт и умение.

В группе Челнокова был и Нельсон Степанян. Впереди шла машина командира, трассирующие ленты пуль тянулись за его самолетом. Все ближе и ближе рвутся снаряды. Зенитки работали вовсю! Вот штурмовики резко взметнулись вверх и как будто ушли в сторону. Не дав фашистам опомниться, второй заход! Удачно! На шоссе крутятся подбитые танки и факелами горят автомашины. Приятно, когда видишь дело своих рук!

Но фашисты не хотят признать себя побежденными: их снаряды продолжают искать наши штурмовики, и Нельсон видит, что еще немного — и вражеские зенитки уничтожат машину Челнокова. Надо выручать товарища. Степанян спускается все ниже и ниже. Земля совсем близко. Вот они совсем рядом, тонкие стволы, безжалостно жалящие огнем. Точно в цель ложатся бомбы, брошенные летчиком. Замолчала одна зенитка... вторая.

Нельсон почувствовал настоящий азарт. Он несся как смерч с одной только мыслью: «Бить как можно больше!» Он не заметил, что его самолет почти вплотную подошел снизу к самолету командира... Челнокову понадобилось все его умение, чтобы в самый последний момент, в какую-то долю секунды, он смог сманеврировать, и бомбы, сброшенные им, пролетели буквально перед носом самолета Степаняна.

...Позже на земле он стоял перед командиром, вытянув руки по швам, а тот, хмуро глядя на пилота, медленно и как бы нехотя спросил:

— Скажи, Степанян, о чем ты думал во время боя?

О чем? Как вспомнить этот горячий, стремительный клубок мыслей и чувств, что владел им в небе, как распутать его? Да и возможно ли это? Он почувствовал, как кровь приливает к его щекам.

— О чем? — настойчиво повторил командир. — Можешь сказать, о чем?

— Нет, — с трудом вымолвил Степанян.

— А ты обязан, — вдруг горячо сказал командир, почти выкрикнул. — Обязан, понимаешь? Когда ты в бою, когда каждое мгновение решает, кому отправиться на тот свет, тебе или врагу, ты обязан быть холодным и расчетливым. Что толку в одной лишь храбрости, когда гибнет пилот? Ты понимаешь, Степанян?

Глаза командира настойчиво глядели в его глаза, глядели тревожно и вопрошающе.

Что сказать? Командир прав, тысячу раз прав. Храбрость и холодный расчет. Расчет и храбрость. Подчинить чувства разуму, заморозить их в себе на время боя. Но как это не просто...

— Так точно, товарищ командир, — медленно сказал Степанян и увидел, как теплеют глаза Челнокова, как уходит из них тревога.

— Хорошо, Нельсон, — устало сказал командир. — Считай, что сегодня ты второй раз родился. Иди отдыхай.

Но Нельсон продолжал стоять. Как это не просто — переделать себя, стать другим. Подавить в себе

то, что мешает. Он вспомнил слова, когда-то слышанные им: хочешь быть беспощадным к врагу — научись прежде быть беспощадным к себе. Ну что ж, он научится. Он всегда умел учиться тому, что было необходимо...

12

Боевые товарищи уважительно называли Нельсона — Балтийский орел, и много теплоты вкладывали они в эти слова. Немцы же произносили их с ненавистью и страхом. Для многих фашистов встреча с Балтийским орлом стала последней, а если кто и уцелел, то запомнил ее на всю жизнь.

...Шло время. Метроном войны отбивал счет секундам, сражениям, жизням. К победе вела крутая долгая дорога. За каждый подъем приходилось платить человеческой кровью и страданиями. И люди платили. Они знали — другого пути нет. Они шли на все и побеждали.

Время шло в боях, в коротком отдыхе, в ожидании вестей из дому. Здесь, на фронте, недели не делились на привычные, последовательно идущие друг за другом дни — понедельник, вторник, среда... Так же они перестали делиться на ночь, утро, день, вечер. Шел совсем другой счет: на уничтоженные самолеты и корабли и, наконец, на живых и мертвых. И часто мертвые еще продолжали жить среди живых: на их имя еще приходили вести от родных, а их аккуратно сложенные треугольниками письма, где они беспокоились, спрашивали и любили, каждый раз с новой

силой ранили сердца уже знавших печальную правду о близких...

Но в то время, пока человек живет, он не может без шутки, без хорошей песни, без дружеского разговора, когда хочется поделиться с близким человеком своими мыслями и тревогами, и вот в такие минуты товарищи шли к Нельсону: они знали, что он поймет и в чем-то поможет и будет легче и спокойнее. А спокойствие очень важно, особенно для летчиков во время боевого задания, когда все чувства должны быть собраны в тугий клубок и не должно быть места ни сомнениям, ни тревогам. Степанян любил людей, он не мог долго быть один, таким он был всегда. И когда он ходил в учлетах, и когда стал инструктором, и теперь здесь, на фронте. Он как-то особенно хорошо умел чувствовать настроение собеседника, вызвать его на откровенность. Правда, далеко не всегда он бывал ласков и сдержан. Он мог вспылить и сказать резкое слово, но, как правило, он сердился за дело, а если кого-нибудь и обижал зря, то всегда первым старался загладить свою вину. Товарищи любили Нельсона и охотно прощали ему такие срывы. Ему многие хотели подражать, в первую очередь, конечно, молодые. Им нравилась смелость Степаняна, его умение быстро ориентироваться в обстановке. Да Нельсона и самого тянуло к молодежи, и он с удовольствием принимал участие в их спорах при обсуждении различных приемов боя. Степаняну нравилось, что молодежь искала новых путей, а не шла по проторенной дорожке, даже если она и ошибалась. Он всегда внимательно выслушивал своих учеников, объяснял им, доказывал, а главное, всегда знал, когда

кого надо подбодрить, а когда и сдержать. Особенно некоторых, не в меру горячих.

— Я человек не суеверный, — говорил он, улыбаясь. — Но запомните, никто сразу не становится мастером. Для летчика очень важны четыре вылета: первый, третий, седьмой и тринадцатый. Вот как только вернешься с тринадцатого, значит все. Теперь можешь считать себя асом и летать абсолютно спокойно!

А за Нельсона можно было поволноваться. Он летал в любую погоду, а, как известно, погодой Балтика не балует.

Был такой случай, о котором потом всегда рассказывали новому пополнению. Дожливый день. Все пронизано холодным, влажным ветром. Как темные, плохо выстиранные и отжатые полотнища, низко над землей висят облака. Ветер гонит по серому морю тяжелые свинцовые волны. Они то распадаются пеной, то поднимаются темными валами и пытаются как можно дальше лизнуть берег. Туман такой, что люди кажутся бледными призраками. Без метеорологической сводки ясно — лететь нельзя.

А разведка донесла: обнаружены вражеские транспорты. Что делать?

Погода все больше и больше ухудшалась, туман явно покровительствовал врагу и надежно закутывал в свою мутную пелену корабли.

Командование колебалось. Уж очень рискованно посылать сейчас кого-нибудь на боевое задание. Трудно, почти невозможно найти движущиеся транспорты в такую погоду, а самолет может потерять ориентировку — и тогда конец.

Но в то же время нельзя не попытаться уничтожить врага.

Решено было послать для штурмовки только один самолет.

Степаян летит сам.

Когда он подошел к своему самолету, то техники, оживленно обсуждавшие обстановку, замолчали.

— С хорошей вас погодой, ребята! — спокойно сказал Степаян.

«Неужели все-таки полетит?» — подумали все.

...Его самолет как будто растворился в облаках. Люди еще долго стояли и смотрели в хмурое небо, потом молча разошлись. Всем было тревожно, а погода, как назло, ухудшалась и ухудшалась.

Только очень опытный летчик мог рискнуть на этот вылет, не только опытный, но и бесконечно отважный. В такую погоду вести тяжелый самолет на малой высоте! Самолет одномоторный, и если двигатель откажет, то все! Спасения быть не может. Его просто неоткуда ждать. А если бой и будет повреждена машина, тогда тоже верная смерть. Так и так вернуться шансов мало. А потом ведь надо точно возвратиться на аэродром, а при такой погоде эта задача более чем сложная. Степаян все это знал, и знал очень хорошо. Но сейчас, как и часто в бою, и не только в бою, а в какие-то ответственные минуты его жизни, им овладел азарт. Та азартная ярость, которая обостряла все его чувства, помогала ему и делала его неуязвимым.

Он продолжал полет. Привычный рев мотора, казалось, растворялся в белесой мгле. На мгновение ему почудилось, что все это лишь странное видение.

Как он, заводской парнишка, вдруг очутился между небом и морем за штурвалом боевой машины и летит, выискивая врага?

Степанин улыбнулся. Конечно, человек привыкает ко всему, даже к боевым будням, когда то и дело недосчитываешься товарищей и думаешь, когда наступит твой черед. Но уж очень, наверное, неожидан-ным был переход из теплых мирных дней, из прекрасных довоенных дней с их тысячами не оцененных по-настоящему радостей в суровый мир войны. И нет да нет какая-нибудь из тысяч ниточек, тянувшихся из тех невообразимо далеких дней, заставляла с предельной остротой вспоминать прошлое.

Но сейчас было настоящее. Из прошлого оставался лишь один он, Нельсон Степанин, когда-то рабочий парнишка с нефтеперегонного завода, а теперь летчик-штурмовик. Теперь были влажные хлопья тумана, пронсящие мимо него, холодное море где-то внизу.

И это было главное...

Он должен найти транспорт*противника — это сейчас его основная задача. Казалось, все сосредоточилось в одном желании: увидеть. И Нельсон пристально всматривается в белую темноту. Что это? Какие-то бледные тени, слегка напоминающие размытые, как на плохо вышедшей переводной картинке, силуэты кораблей.

Транспорты! Вот они где, наконец! Степанин выбрал самый крупный из них. До воды, кажется, осталось несколько метров. Нельсон видит людей, испуганно мечущихся по палубе. Зенитки начинают свою смертоносную работу. Самолет окружен кольцом

тусклых вспышек — это рвутся снаряды. Кольцо разрывов сужается...

«Спокойно! Спешить нельзя, — думает Нельсон, — Атаковать можно только один раз!»

Секунды тянутся медленно, их можно мерить километрами...

Нельсон сбросил бомбы. Сначала как будто ничего не произошло, только транспорт вздрогнул. Вздрогнул, как живое существо, которое чего-то испугалось. На палубе появилось пламя, но как-то робко и нерешительно, как бы пробуя свои силы. А потом могучий огненный столб разрезал туман и высоко взметнулся к недовольному, хмурому небу. Дым плотным покрывалом прикрыл то, что мгновением раньше было кораблем. Нельсон еле успел выровнять самолет, так его потрянуло. Вдруг огромная волна, как стеклянная стена, возникла из моря, и... транспорта не стало.

Сейчас оставалось не менее трудное — вернуться на родной аэродром. Но не даром Степанин был пер-воклассным штурманом, его умение, его изощренная интуиция выручили его и сейчас.

...Самолет уверенно приземлился. Со всех сторон к нему торопились люди.

Они бежали, чтобы встретить его, порадоваться, что он вернулся живым и невредимым.

«Когда-то очень давно тоже так было, — пронеслось в голове Нельсона, — так же ко мне торопились товарищи, чтобы убедиться, что все обошлось хорошо».

Степанин мысленно перенесся в Баку, когда он, совсем еще молоденький парнишка, далеко заплыл

на лодке в море. Море было таким спокойным и ласковым, что казалось — иным оно быть не может. Нельсон уходил все дальше и дальше. Неожиданно, как это всегда бывает, погода переменялась. Как будто кто-то разбудил могучую стихию и она стала потягиваться и разминаться после сна, стараясь стряхнуть с себя лень и безмятежность. Поднявшиеся волны безжалостно кидали лодку, и Нельсону стоило большого труда держать курс к берегу. Только его упрямство и желание во что бы то ни стало выжить и дойти помогли ему. Когда он подходил к берегу, навстречу ему бежали взволнованные друзья...

Степанян оторвался от своих мыслей.

— Я же говорил, что хорошая погодка, — сказал он подбегавшим техникам. — Только в нее и летать...

— В такую погоду летают только одни буреветники, — сказал кто-то.

С тех пор и стали звать Нельсона Степаняна Буреветником, так и стало это его вторым гордым именем...

...После полета надо обязательно отдохнуть, собраться с мыслями, просто посидеть и помолчать. В памяти Нельсона с фотографической точностью снова возникает поднимавшаяся к небу гигантская волна и вставший на дыбы вражеский транспорт. Такое никогда не забудешь! А потом возвращение в белом как молоко тумане, когда твой главный помощник — какое-то шестое или даже седьмое чувство...

Обо всем этом он когда-нибудь расскажет сыну, а тот, широко раскрыв темные, как у отца, глаза, будет не перебивая слушать. Но это наступит еще не скоро, когда кончится война, а сейчас поговорить

со своими можно только в письме, да и то в коротком — на длинное нет времени, да и вряд ли нужно зря волновать родных описанием такого полета: им и так трудно.

И летит в Ташкент, где в это время находилась семья Степаняна, очередное лаконичное письмо с вопросами о сыне, о жизни в тылу; о себе там написано немного: «Здоров, воюю нормально».

Почему скромность украшает героев? Возможно, она свидетельствует о каком-то потаенном запасе неизрасходованных душевных сил, отсутствующих у человека беззастенчивого? Возможно, она нужна окружающим героя людям, чтобы обеспечить доступ к его сердцу? Возможно. Достоверно же известно только, что Нельсон Степанян обладал ею в полной мере. Прежде чем застыть в бронзе и граните, он выковал в себе характер Человека с большой буквы. Героизм — это не причина, а следствие высокой морали коммуниста. Нельсон Степанян был коммунистом.

13

Степанян «воюет нормально», именно так, как надо воевать: яростно и безжалостно, но спокойно. А Степаняну трудно было быть спокойным: сама его энергичная натура требовала быстрых решений. Но Нельсон сдерживался, он знал, что в бою спокойствие и выдержка — важное оружие. Глядя на Нельсона, всегда можно было узнать, что он недавно вернулся с боя: сильнее становился акцент, голос звучал громче, походка — энергичнее и быстрее. Он с увле-

чением рассказывал товарищам о прошедшем бое, хвалил кого-то, кого-то ругал...

Все знали, когда Степанян возвращался с задания: он всегда собирал свое звено и только после этого возвращался обратно.

Боевые ордена украшают грудь отважного летчика: орден Красного Знамени и орден Ленина свидетельствуют о его боевом мастерстве. О его делах появляются лаконичные заметки в газетах. Вот что мы читаем в «Правде» от 17/VIII 1942 года.

«Группа самолетов, ведомая капитаном т. Степаняном, обнаружила три транспорта противника. Несмотря на грозовую облачность и плохую видимость, летчики атаковали врага. На транспорте, груженном боеприпасами, водоизмещением в 3 тысячи тонн, произошел сильный взрыв. Транспорт затонул».

А было это так.

...Обыкновенный августовский день на Балтике. Серый, туманный. Море тоже какое-то недовольное: шумит, бросает белые грязные лохмотья пены на берег. И как всегда, ветер. Степанян ведет свою машину над Финским заливом, привычно внимательно приглядываясь к темной поверхности воды. Только очень опытный летчик может обнаружить цель в такой обстановке. Вдруг Нельсон заметил вражескую шлюпку. Конечно, это не цель, достойная штурмовика, но трудно удержаться от искушения отправить на тот свет хотя бы нескольких гитлеровцев.

Через несколько секунд все кончено. Уже ничто не нарушало темной глади залива.

Вернувшись на свой аэродром, Нельсон рассказал товарищам о своем трофее.

В ответ послышался общий смех. Действительно, штурмовой удар по такому объекту! Кровь бросилась в лицо Степаняну (он не переносил насмешек). Он и сам, конечно, знал, что это не цель, которой стоит гордиться, но он привык говорить все, не думая о производимом впечатлении. Да, так оно и было — потопил шлюпку!

— Товарищ командир, прошу разрешения на свободную охоту, — обратился он к командиру части.

Тот разрешил. И вот снова летит Нельсон над заливом, пристально всматриваясь в даль.

Свободную охоту разрешают не каждому, а только очень опытному и умелому летчику. Потому что он сам ищет цель в своем полете, не зная заранее, какая это цель и где он ее найдет. Это поиск. Найдешь цель — атакуй, но можно ее и не найти... Меняя направление полета, Степанян не отрывает глаз от горизонта. Кажется, повезло! Вдали показались движущиеся силуэты. Корабли! Покачиваясь на волнах, идут вражеские транспорты.

«Три транспорта, — автоматически отмечает летчик. — Самый крупный в центре».

Степанян направляется к желанной цели. Самолет все быстрее и быстрее несется вниз, повинаясь каждому движению рулей. К самолету, как цепкие жадные руки, потянулись трассы зенитно-пулеметных очередей. Ловко маневрируя, Степанян сбросил несколько бомб. Расчет был точен — поражен самый большой корабль. Взрывная волна яростно подхватила машину Степаняна и подбросила ее. Наши истребители, охранявшие самолет Степаняна, шли намного выше, но и они почувствовали удар, такой си-

лы была взрывная волна. Видно, транспорт вез боеприпасы, иначе не было бы такого эффекта.

Степанян на мгновение потерял сознание, ему даже показалось, что он легит вниз, в разъяренное море. Но это ему только показалось. Руки сами делали свое дело, и вот машина снова выровнялась.

Бражеский транспорт, аккуратно разломившись на две части, уходил в воду. Кормы уже не было видно, а нос задирался кверху, как будто транспорт хотел еще раз вдохнуть свежий морской воздух.

Теперь можно было уходить: экипаж и груз надежно похоронены в море.

Самолет Степаняна приземлился на аэродроме.

Нельсон вылез из кабины и против обыкновения молча пошел к товарищам.

— Ну как, можно поздравить с новой шлюпкой? — поинтересовался кто-то.

— Спасибо. Шлюпку потопил, да заодно и транспорт, — сдержанно ответил Нельсон.

Но он не мог долго оставаться серьезным или сердиться на друзей. Он снова заулыбался и, уже смеясь, рассказывал какие-то подробности боя.

А через несколько дней он отправил домой письмо, адресованное жене, но посвященное сыну Вилику:

«Пусть простит он мне, что я не мог поздравить его с днем рождения (14 августа) и послать ему подарки. Но зато в честь своего сына я обрушил несколько сот килограммов бомб и тысячи патронов на гитлеровских бандитов, возмущающих покой нашего народа, и потопил транспорт водоизмещением в 3 тысячи тонн...»

Много вылетов совершил Нельсон Степанян, и, наверное, почти о каждом из них можно было бы рассказать особо. Ведь не случайно в октябре 1942 года летчику гвардии капитану Нельсону Георгиевичу Степаняну присвоили звание Героя Советского Союза.

Наградой для него был и недолгий отпуск, и Степанян поехал повидать родных в Ереван, туда же должны были приехать его жена и сын; он также решил завернуть в Баку, где прошла его юность.

14

...Баку. Степанян остановился у своей тетки в старой крепости. После грохота войны его оглушили тишина, покой, неподвижность. Странными кажутся ему узкие улочки, взбирающиеся по крутым склонам, небольшие дома с крошечными двориками, заметный издали ханский дворец с его минаретами и крепостной стеной. Нельсон снова почувствовал себя мальчишкой, тем любознательным тихим пареньком, который много лет назад приехал сюда из родного Еревана.

В квартире тетки мало что изменилось со времени его отъезда из Баку. Все та же скромная обстановка, все так же, хотя, пожалуй, сильнее скрипят ступени, ведущие в ее квартиру. Они здорово расшатались, эти ступеньки, ведь по ним прошли уже, наверное, много тысяч шагов. А вот дворик стал еще меньше, совсем крохотным, это потому, что Нельсон отвык от таких масштабов. Ведь его глаза привыкли к морю, к его бесконечным просторам, а здесь все сжа-

то и собрано на крохотном пятачке. По двору бесшумно пронеслась кошка, за ней другая... Так вот, наверное, будет всегда. Он помнит, что его в детстве всегда поражало обилие кошек, носившихся как угорелые по двору и не обращавших ни на кого внимания... В узких небольших комнатах тетки мебель расставлена так же, как и раньше. Старая тахта, до которой усталый Нельсон с трудом добирался вечером и где он спал как убитый, по-прежнему стоит на том же месте. Стол, покрытый белой скатертью, фотографии на стенах, время, кажется, прошло мимо них, не задев их своим безжалостным крылом. Хотя и здесь есть перемены: на старинном буфете стоят его, Нельсона, фотографии и лежит аккуратно сложенная пачка писем. Знакомые треугольнички — это его письма, по ним он может проследить свой боевой путь.

Конечно, приезд Нельсона был для всех его родных и соседей большим событием. В эти дни негде было повернуться в маленьких комнатках Лалазаровых. А ребята, те просто сидели на ступеньках и ждали, когда, наконец, выйдет герой. Степанян прекрасно понимал их волнение, и хотя он почти никогда не надевал ордена и медали, а носил колодки, тут он надел их все и в парадной форме спустился вниз к мальчишкам. И здесь, в маленьком дворике, произошла первая встреча-интервью с боевым героем. Потом всяких встреч было много — Степанян, казалось, был нужен всем: школам, заводам, предприятиям, но такой второй встречи не было. В какой-то степени это была встреча с детством, с юностью, когда человека интересует все, когда он задает прямые вопросы и требует на них такого же прямого и честного ответа.

Мальчишки замерли и в немом восхищении уставились на живого героя. Конечно, было бы лучше, если бы он был огромного роста, какой-нибудь необыкновенный. Но перед ними стоял невысокий человек со слегка усталыми темными глазами. Обыкновенный человек. Совсем как их отцы или старшие братья. Совсем такой же. Но он был героем, и Золотая Звезда не оставляла повода для сомнений. И мальчишки выросли за это короткое мгновение и начинали понимать, что героизм не удел обыкновенных людей, как в растрепанных приключенческих книжках, а что-то гораздо более близкое, но оттого не менее величественное.

А Нельсон, инстинктивно понимая, что творилось сейчас в ребячьих душах, стоял молча и торжественно, вытянувшись, словно на параде, словно докладывал самому высокому начальству. Да, собственно, так и было. Разве не по приказу этих вихрастых ребяташек защищал он Родину? Почему же, как положено, не отрапортовать командиру после выполнения приказа.

Нельсон поднял руку к фуражке и громко проговорил:

— Разрешите доложить: воюю нормально. Техника и живая сила противника уничтожаются исправно.

И никто из мальчуганов не рассмеялся. Завороженно глядя на летчика, они молча кивнули, словно принимая рапорт, так серьезен был с ними Степанян. И лишь когда он широко улыбнулся, они стайкой набросились на него, теребя и ощупывая. Нельсон долго рассказывал им о войне, о товарищах, о самолетах. Когда же беседа кончилась, он поднялся к себе

наверх и только вечером поехал на другую официальную встречу, где его ждали.

...Эта встреча была для Степаняна особенно важной и приятной — встреча с рабочими нефтеперерабатывающего завода, откуда он ушел в авиацию. Еще задолго до назначенного часа приехал он на завод. Подъезжая, обратил внимание на то, как изменилось все вокруг. Выросли новые дома, протянулись подъездные пути, засверкали на солнце нефтехранилища. Наверное, если бы не помешала война, вдвое бы разросся нефтяной город, не меньше...

Нельсон не сразу вошел в клуб, где должен был проходить торжественный вечер. Он пришел в свой старый цех, здесь когда-то его учил Виктор Иванович Циплаков. Цех тоже стал другим: чище и светлее. И совсем другие в нем работали люди. Да не только в этом цехе, а вообще на всем заводе. Если раньше здесь было мужское царство, то сейчас на заводе преобладали женщины и молодежь. На рабочем месте Степаняна трудился молодой парнишка, напомнивший Нельсону его юность. Почти никого нет из старых товарищей — все на фронте, некоторых уже нет в живых.

По территории завода Нельсон шел долго — его останавливали почти на каждом шагу. Наконец он миновал гигантские кубы, которые не раз чистил. «Горячая была работка», — невольно улыбнулся он, вспомнив пятидесятиградусную жару внутри куба.

А вот наконец-то знакомое лицо: Аршак Саркисов! Он начинал работать вместе с Нельсоном. Правда, Аршак был токарем, но, как правило, и он вместе со Степаняном лазил в жаркие кубы. Сейчас это уже

не тот ловкий, увертливый юноша, а плотный мужчина. Теперь Саркисов занимает ведущее место в цехе.

Приятно встретить товарища молодости, да еще в такой торжественный день.

Наконец Степанян дошел до клуба. Зал был уже переполнен, люди стояли в проходах — почти весь завод собрался сюда, чтобы приветствовать своего героя.

Говорилось много речей, много хороших, искренних слов в адрес Степаняна. Тот молча слушал и, как всегда, сидел несколько в стороне.

Наступила очередь Степаняна.

— Мне легче убить тысячу немцев, чем произнести хорошую речь, — так начал он свое выступление.

А дальше он говорил о том, как героически сражаются советские люди на Ленинградском фронте, с увлечением рассказывал о летчиках Балтийского флота. А о себе он сказал немного, в основном отвечал на вопросы.

* * *

Быстро пролетели дни в Баку, дни, заполненные до краев. Потом Ереван. Здесь такие же встречи, десятки дружеских рукопожатий и обожающие глаза мальчишек. Нельсон рад, что видит своих стариков, но его беспокоит отсутствие жены и сына. Ведь они наверняка должны были уже получить его письмо о том, что он едет в Ереван и ждет их там. Но он не учел одного: письма шли совсем не так, как в мирное время, и его долгожданное письмо задержалось в пути. До конца отпуска Степаняна осталось всего четыре дня, когда он получил сообщение из Ташкента.

«Приехать не могу», — гласила телеграмма.

И Нельсон немедленно вылетел в Ташкент к семье.

Как за это время вырос Вилик! Он становится все больше и больше похожим на отца, даже смеется он так же заразительно, как Нельсон. За те два дня, которые провел Степанин в Ташкенте, было переговорено многое, но разве можно успеть рассказать обо всем! Фира считала оставшиеся часы и минуты. Ей не хотелось верить, что скоро надо опять расставаться, и кто знает, на какой срок. Но что же делать, если идет война и твой муж военный. Надо ждать и быть твердо уверенной, что новая встреча опять состоится, и тогда все будет хорошо.

15

Через два дня Степанина вызвали в Москву и направили в район Куйбышева, где шло формирование частей.

Вот здесь и произошла у Нельсона Степанина интересная встреча, о которой он меньше всего мог подумать.

...Много слез пролила Татьяна Корнеевна, получив известие о том, что ее сын — лейтенант Алексей Федорович Борисов — пропал без вести при выполнении боевого задания. Это подтвердили и товарищи Алексея, рассказавшие ей, что видели, как падал горящий самолет. Маловероятно, что Алексей жив. Действительно, трудно было подумать, что летчик останется жив, когда в его самолет прямым попаданием угодил снаряд. Тяжело сообщать такую печальную

весть матери, но что же делать? Надо же ей знать горькую правду, хотя, конечно, не может она поверить до конца и все равно будет надеяться и терпеливо ждать.

У матерей нет конца терпенью...

Еще в 1941 году, когда Нельсон был на Балтике, ему приглянулся этот приветливый парень с хорошей улыбкой и открытым взглядом. Познакомились. Узнали, что пришли в авиацию одновременно. Алексей тоже увлекался самолетами, окончил школу инструкторов-планеристов, аэроклуб, военно-морское авиационное училище. С первого дня войны воевал на Балтике. Биографии, как и характеры, оказались схожими. Встречаясь, они перебрасывались дружескими фразами. Если долго не виделись, интересовались, где товарищ. Снова встречались, и каждый раз их симпатия друг к другу росла. Потом, когда стали отбирать летчиков для новых самолетов ИЛ-2, Алексея Борисова включили в их число и отправили с Балтики. Тут они расстались с Нельсоном, на время потеряли друг друга. Борисов воевал на Черноморском флоте, а Степанин продолжал сражаться на Балтике. Очень редко доходили до Нельсона отрывочные вести о товарище, потом он случайно узнал, что Борисов героически погиб.

Всегда бывает тяжело, когда теряешь товарища, даже не товарища, а просто хорошего человека, а если погиб тот, кому ты отдал частицу своей души, утрата кажется невозместимой...

И вдруг сейчас, когда прошло уже много месяцев, Нельсон видит перед собой воскресшего из мертвых Борисова.

— Алексей? Ты? Не может быть! — Нельсон даже шарахнулся в сторону, не веря своим глазам.

Через секунду он уже мог убедиться, что товарищ жив и даже здоров, почувствовал его крепкие объятия.

Потом они долго ходили по аэродрому, разговаривали и все не могли расстаться. Им было о чем поговорить.

Сначала рассказывал Алексей.

...Ноябрь 1941 года. Группа штурмовиков, в составе которой был и Борисов, направлялась в район села Ново-Николаевка (между теперешним курортом Саки и Севастополем), где находились наши моряки. Ребятам необходимо было помочь, и как можно быстрее. Девять самолетов пошли на задание, среди них был и самолет лейтенанта Борисова. Но фашисты уже ушли из села, и только группа замаскированных кустами машин говорила о том, что недавно здесь были враги.

— Разрешите уничтожить машины, — попросил Борисов командира эскадрильи.

Тот разрешил. Алексей метким бомбовым ударом поразил цель — машины вспыхнули, пустив в небо дымный шлейф.

Борисов быстро догнал свою девятку и вместе с ней пошел к Севастополю. Внизу по дороге медленно двигалась бесконечная колонна гитлеровских войск.

— Приготовиться к атаке! — скомандовал командир.

Груз был сброшен почти одновременно. Перевернулись и запылали машины, в панике забегали фа-

шисты. Борисов не отставал от товарищей, он сбросил все бомбы и продолжал вести меткий огонь по противнику из пушек и пулеметов. Бой почти уже кончился, как вдруг снаряд зенитки попал в бензобак машины Борисова и горящий самолет резко пошел вниз.

Через несколько минут командир эскадрильи увидел, что Борисова нет в строю, а на поле ярко пылает машина. Из горящего самолета не появился никто...

Но летчик не погиб, его выручило мастерство.

«Прыгать с парашютом невозможно. Земля рядом. Парашют не раскроется, — пронеслось в голове летчика. — Надо во что бы то ни стало сажать машину».

Борисов так и сделал. То, что раньше было самолетом, а теперь стало огненным смерчем, приземлилось на поле.

Не успели колеса коснуться земли, как Алексей выпрыгнул из кабины. Упал. Снова вскочил и опять опустился на землю: все плыло перед глазами, кровь из разбитой головы заливала лицо. Комбинезон летчика пылал, жадные языки огня кусали тело. Борисов покатился по земле, чтобы загасить пламя на одежде. Потом из последних сил поднялся и побежал в ту сторону, где виднелся низкорослый кустарник. Оттуда Алексей увидел, как подъехала машина с фашистами. Они пытались подойти к горящему самолету, но вскоре убедились, что это невозможно, да и незачем. Им было ясно, что летчик не уцелел.

Гитлеровцы уехали. Борисов пролежал в кустах, пока не начало смеркаться. Потом встал и пошел.

Он смог сделать всего несколько шагов, потом упал и пополз, раздирая локти и колени о высохшие стебли. Когда Алексей очнулся, оказалось, что он лежит в поле у стога соломы. Недалеко раскинулось село, где, судя по всему, находились немцы.

Невдалеке слышались голоса. Русская речь! Значит, свои. Борисов осторожно поднялся. Три женщины, сгибаясь под вязанками кукурузы, медленно брели по направлению к селу.

Увидев незнакомого человека в ободранной и обгоревшей одежде, они кинулись прочь.

— Подождите! Я летчик. Свой, русский... — крикнул Алексей.

Потом они шли все вместе и несли тяжелые вязанки. В хату зайти было рискованно.

— В селе гитлеровцев полным-полно. Нас предупредили: кто спрячет русского солдата или партизана, того расстреляют и семью его тоже, — сказала старшая из женщин. — Ну, ничего, ты заходи, а дети пока у плетня покараулят. Авось никто не придет...

Хата Ольги Ефимовны Лозенко стояла на краю села, на пригорке. Хозяйка усадила Алексея за стол, а сама начала искать какую-нибудь одежду вместо его обгоревшего комбинезона. Но Борисову не удалось хотя бы немного поесть и отдохнуть — к дому подходили немцы. Алексей выскочил из хаты и задумавшись, стал пробираться к балке, идущей к морю. Через несколько минут туда пришла дочь хозяйки Галя и принесла ему одежду отца и узелок с едой на дорогу.

Лейтенант решил во что бы то ни стало прорваться через линию фронта к своим. И он пошел...

Борисов рассказывал, а в памяти Нельсона возникли

тяжелые дни, когда он сам, волоча раненую ногу, так же как и Алексей, упрямо искал своих.

...Алексей шел ночью и прятался днем. Наверное, он бы пропал, если бы не это настойчивое желание дойти. Алексей шел не один, так же как и он, к фронту пробирался связист Валентин Подоляко. Они встретились в дороге, шли вдвоем, и было легче, во сто раз легче, когда рядом с тобой шагает товарищ. Не раз им приходилось вступать в бой с гитлеровцами, применять всю свою хитрость и изворотливость, чтобы не попасть в плен. Но если бы не помощь местного населения, то вряд ли бы они смогли дойти. Им помогали самые обыкновенные люди, которые просто не могли поступать иначе и не думали при этом о своем героизме...

Наступила зима. Алексей с товарищем несколько раз пытались перейти линию фронта, но все их попытки терпели неудачу. Плохо одетые, в рваной обуви, замерзающие Борисов и Подоляко ползли по глубокому снегу, стараясь незаметно уйти от фашистов. Однажды при очередной попытке перейти к своим они были вынуждены долго лежать в сугробе, пока гитлеровцы не прекратили стрельбу. Местные крестьяне спрятали полузамерзших беглецов. Пришлось им задержаться — на лечение надо время, — мороз надолго оставляет свои метки.

«Что делать? — размышлял Борисов. — Линия фронта отходит все дальше и дальше. Своих мы теперь не догоним. Но так жить тоже нельзя. Значит, надо искать партизан или самим создавать отряд».

То же думал и Валентин. Поэтому, когда в селе Гахов, где скрывались товарищи, начала формиро-

ваться небольшая группа, которую возглавил Карп Онопченко (секретарь подпольного Кролевецкого райкома партии), Борисов и Подоляко вошли в нее. Снова Борисов в пути. Но теперь он идет не один, а с группой, и двигаются они совсем в другом направлении — не к линии фронта, а в тыл врага, к партизанам.

Здесь действовал отряд Ковпака, это их листовки вселяли бодрость и надежду в тех, кто находился на временно оккупированной врагами территории. Наконец-то Борисов и Подоляко добились своего: они снова будут бить врагов — они в партизанском отряде!

Встреча с Ковпаком произошла в селе Ворголе Путивльского района.

...Борисов много слышал от Онопченко о Сидоре Артемьевиче Ковпаке, о том, как он сражался в гражданскую войну вместе с Чапаевым, как хорошо он знал Пархоменко и как воевал в первую империалистическую. И сейчас, глядя на этого штатского человека — худощавого старика с седоватой бородкой, как-то очень по-домашнему расплывшегося за столом, — Алексей не мог даже сразу поверить, что это и есть знаменитый Ковпак.

Разговор был недолгим.

Сидор Артемьевич задал несколько вопросов вновь прибывшим, по-видимому, остался доволен их ответами, и Борисов и Подоляко стали полноправными членами партизанской семьи.

Теперь Алексей снова воевал, но уже не в небе, а на украинской земле.

Много сот километров прошли партизаны по оккупированной врагом земле. Не раз приходилось им

вступать с гитлеровцами в неравные бои, пускать под откос поезда, взрывать мосты, уничтожать фашистов. Вместе с другими воевал и летчик Борисов.

Это ему поручил командир пробраться в штаб за помощью Ковпака, когда гитлеровцы окружили отряд. А было это так. Небольшая группа партизан вступила в неравный бой с врагом. Бились до последнего патрона, потом вступили в рукопашную. Не ожидавшие такого сопротивления гитлеровцы окончательно озверели.

— Рус, сдавайся! — кричали они, в то же время теснее сжимая кольцо вокруг партизан.

Положение у группы было сложное: боеприпасы на исходе, кругом болото, единственный путь тщательно просматривается врагом. Командир вызвал к себе Борисова.

— Вся надежда на тебя, Алексей, — сказал он, — надо прорваться к своим. Обязательно. Понимаешь, очень надо!

Алексей понял: надо пройти во что бы то не стало, даже ценою собственной жизни.

Алексей бросил гранату. Несколько гитлеровцев упали. Борисов прорвался через цепь противника.

Дальше он пошел, вернее пополз. Иногда приподнимался, бежал, снова падал и снова полз. Он не мог идти иначе — за каждым его шагом следил гитлеровский снайпер.

Борисов дошел и выполнил задание...

Однажды роте, которой командовал Борисов, пришлось прикрывать отход партизанского соединения. Почти 30 часов сдерживали они натиск гитлеровцев, а потом сами ушли от врагов. Так проходили парти-

занские будни, и наравне со всеми сражался Алексей Борисов.

Но вот в Брянском лесу приземлился долгожданный самолет с Большой земли. Борисов, как и другие партизаны, отправил письма родным и в свой полк. А в середине лета 1942 года с другим прибывшим самолетом Алексей Борисов уже улетел в Москву, его вызвали в штаб Военно-Воздушных Сил.

И вот Алексей снова в столице. Вот Марьяна ро-ща, где он родился. Он идет по знакомым улицам. Вот и его дом. Алексей взбежал по ступенькам, привычно позвонил.

За дверью слышались шаркающие шаги, вот они все ближе и ближе. На пороге мать... Она даже не заплакала, увидев сына, только замерла на его плече!.. Значит, права была Татьяна Корнеевна, когда не верила, что сына нет в живых. Вот и дождалась его возвращения, а может быть, ему помогла вернуться сила материнской любви...

Борисов снова в авиации. Перегоняет боевые машины с завода на фронт. Вот и сейчас он здесь, на заводе, по этому делу.

Степанян внимательно слушал рассказ. Как хорошо он понимал Алексея! Вместе с ним он мысленно проделал весь его путь. Полз по снегу, сидел, притаясь, в сугробе, пытался оттереть замерзшие руки. Вместе с ним шел по болотам и продирался через лесную чащу. Бросал гранаты и закладывал взрывчатку под железнодорожные рельсы...

«Молодец, Алексей! — думал Нельсон. — Не случайно он мне всегда нравился. Боевой мужик!»

А вслух он сказал:

— Я бы тоже, наверное, так же, как и ты, действовал, если бы меня сразу партизаны не нашли. Без своих нельзя...

И Нельсон рассказал Алексею о том, как его, раненного, встретили партизаны и переправили в госпиталь.

Еще не все было рассказано, не о всем было переговорено, но уже пора расставаться — время не ждет. Война!

«Увидимся ли еще?» — подумали оба.

— До следующего свидания, — сказали вслух.

Больше такого свидания не было. Война развела их в разные стороны. Борисов перегонял самолеты туда, где их не хватало, а Нельсона Степаняна, несмотря на все его просьбы об отправке на фронт, временно откомандировали на переподготовку.

16

В училище летчики проходили так называемое «боевое применение». Сюда прибывали летчики из разных фронтовых частей и изучали теорию, осваивали новую технику. Обычно срок обучения был около полугода. Сначала шла теория, а последний месяц уже «боевое применение» — практика. Степанян руководил полетами и отвечал за них, но неоднократно просил командование отправить его на фронт. Ему отказывали — его мастерство и опыт нужны были и здесь. Если на фронте Нельсон не замечал времени, то здесь, казалось, минуты превращались в часы. Еще день прошел! Еще! И все похожие один на другой.

Единственно, что порадовало Нельсона, это приезд жены с сыном. И эта радость совпала с тем, что он наконец-то добился своего и его должны были отправить в 47-й штурмовой полк, действовавший в Крыму.

...Фира никак не предполагала, что ей так мало придется побыть с мужем. Но спасибо судьбе и за три дня, проведенные вместе, другим не выпадает и такой удачи. Конечно, днем Нельсон занят, хотя вырывает каждую свободную минуту, чтобы забежать и поиграть с сыном. Мальчишку не узнать, ведь он растет не так, как взрослые. Здесь каждая неделя имеет значение, а отец не видел его несколько месяцев!

И когда наступил день отъезда в Баку и когда поняли они, что ничего еще не решено и не сказано, уже пора было ехать на вокзал.

Степаниан проводил своих и, как мог, удобно устроил их в вагоне. Затем как-то быстро попрощался и ушел. Поезд медленно набирал скорость, тяжело вздыхал и все норовил остановиться, потом разошелся и побежал, мерно отстукивая километры на стыках рельсов.

— Самолет летит! Смотрите, да как низко! — удивился кто-то из пассажиров.

Действительно, низко, почти рядом с крышей вагонов, летел тяжелый, знакомый Фире самолет. Это штурмовик, его горбатый силуэт ни с чем никогда не спутаешь.

— Папа летит! Это мой папа! — раздался звонкий детский голос.

У Фире замерло сердце. Она бросилась к окну. Так и есть! Нельсон!

Она почувствовала, как в горле мгновенно вырос комок, а глаза наполнились слезами. Ей было невыразимо тяжело расставаться с мужем. Может быть, бываю на свете и лучшие мужья, бог с ними, но только Нельсон мог догнать поезд на самолете и промчаться почти у самого окна.

Он весь был в этом. Его нежность и любовь всегда были такими же по-ребячьи отчаянными, как этот полет, словно требовали выхода в озорных и веселых шутках. И именно поэтому ей никогда не было скучно с мужем. Они всегда жили в каком-то водовороте забавных розыгрышей, необычных подарков и долгих ожиданий. Она никогда не знала, что от него ждать. Он мог вдруг без предупреждения привести к обеду человек десять друзей и сказать:

— Товарищ Фира, прибыли в ваше распоряжение для получения обеда.

А она начинала притворно браниться, но не удерживалась и закатывалась от смеха.

— Для получения обеда, — отвечала она, — вам придется сначала слетать в магазин.

— С каких это пор, Фирочка, — округлял глаза Нельсон, — в магазинах кормят обедами? К тому же сейчас нелетная погода...

— Ну как хотите, — твердо говорила она, — или вы идете в магазин, или умираете голодной смертью.

— Нет, что ты! — в ужасе восклицал Нельсон, показывая на друзей. — Им еще рано умирать, они такие молодые...

И вот сейчас за окном рев штурмовика. Неохотно

он обгоняет поезд, легко покачивает крыльями и снова уходит. Снова она будет ждать коротких писем и часами рассказывать сыну об отце. Таким и запомнила его Фира, неразрывно слитым с машиной, гордым, нежным, крылатым...

* * *

Война в разгаре. Гитлеровцы терпят одно поражение за другим. Миф о непобедимости немецкой армии развеян. Вооруженная до зубов машина нацистов остановлена и отброшена вспять. До полного изгнания врага с советской земли еще далеко, но от солдата до маршала, все воины, весь народ явственно различают черты Победы. Той самой Победы, которая пройдет по Европе и войдет в логово зверя, чтобы утвердить справедливость и добро в этом мире.

...Крым. Безмятежный Крым, который всегда ассоциируется с «лазурным морем» и «печальными кипарисами». Сейчас к этому небольшому треугольнику земли было приковано всеобщее внимание. Здесь окопались немцы, сюда стягивались многочисленные войска противника: пехота, кавалерия, морская пехота, авиация. Сюда подошли самоходные артиллерийские баржи, торпедные и сторожевые катера. Крымский полуостров стал бронированным кулаком, занесенным для удара в спину нашим войскам. Крым надо было освобождать во что бы то ни стало, и немалую роль должна была сыграть наша авиация. Да, сейчас Крым меньше всего напоминал привычный Крым с курортных открыток.

Но лучше всего об обстановке того времени и о боевых буднях наших летчиков может рассказать Ге-

рой Советского Союза Николай Васильевич Пысин, который уже сражался там. Тогда Пысин еще не имел высокого звания Героя, он только начинал воевать.

— Ночной полет на Анапу, — рассказывает летчик, — задача на первый взгляд простая: уничтожить на аэродроме самолеты противника. В двадцать три часа нанесли первый удар. Подожгли самолеты, бензосклады. Потом узнали, что уничтожили десять самолетов. Вернулись на свой аэродром. Снова подвесили бомбы и полетели вторично. Было около двух часов ночи, уже светало. Бомбить стало легче...

Так просто рассказывает об этом Пысин. И задание самое рядовое. И летчики самые обыкновенные люди, да к тому же еще молодые, только вступающие на боевой путь. На первый взгляд в этом нет ничего особенного. Обыкновенные рядовые будни. А сколько в этой обыденности скрыто героизма, мужества и скромности!

До этого времени штурмовикам не разрешали летать ночью. Не очень-то были приспособлены тяжелые машины для ночных полетов. Только потому, что служил Николай раньше на Дальнем Востоке, где летал на морских летающих лодках, был «лодочником», смог он быстро освоить штурмовик и подчинить себе боевую машину. Немногих рисковали отправлять в ночные полеты, но враг не ждет: его надо уничтожать и днем и ночью. Поэтому, когда Николай и его друг, тоже дальневосточник, Кошелев отправились ночью на задание, здорово волновались о них товарищи по полку. Вернулись. Снова взяли бомбы и полетели во второй налет. Вот тут-то и произошло непоправимое — сбили Петра Кошелева. После того как Петр

взорвал бензосклад, его долго преследовал фашистский истребитель, вражеская пуля смертельно ранила летчика, и неуправляемый самолет камнем упал в море. Николай никак не мог поверить в смерть друга и долго сидел на КП — ждал его возвращения. Но тот так и не вернулся... Тогда Николай поклялся отомстить за друга.

Сейчас, вспоминая о тех днях, Пысин ничего не сказал о том, как во время очередного ночного налета на корабль противника подожгли его самолет. И как он, посадив машину в кубанские плавни за линией фронта, несколько километров нес на себе раненого стрелка. Полз, отдыхал и опять полз, упрямо стиснув зубы, и только смотрел: жив ли товарищ? Так и донес его до своих, перейдя через четыре лимана. Потом Николай пересел на другой самолет и снова включился в бой. Он сам об этом ничего не говорил, предпочитая рассказывать о своих товарищах, об их нелегкой фронтовой жизни.

В сентябре месяце 1943 года началось освобождение Новороссийска. Был высажен морской десант. Перед авиацией была поставлена задача — помочь нашим морякам, обеспечить высадку десанта в порт Новороссийск.

...С рассветом поднялись с аэродрома наши штурмовики, их сопровождали истребители. Надо сделать все, чтобы катера с десантниками смогли прорваться к причалу Новороссийского порта. Немцы хотели прочно устроиться в Новороссийске. Со свойственной им обстоятельностью они возвели укрепления, особенно в прибрежной полосе, используя колючую проволоку, выкопав траншеи с бетонными колпаками, ус-

тавоив мины. Первая и вторая линии окопов соединены ходами сообщения. Не забыты и убежища от бомбежек. Чуть поодаль снова доты, дзоты, ловушки и минные поля. Но не устояли сверхмощные укрепления перед моряками. Десантники прорвались в город, где каждое взятое ими здание становилось неприступной высотой. Гитлеровцы яростно сопротивлялись. Они стягивали подкрепления, окружая отдельные группы моряков. Надо помочь своим — подбросить боеприпасы и продовольствие. Наши самолеты идут на бреющем полете, идут под смертоносным дождем, сбрасывают вниз патроны, гранаты и продовольствие. Противник пускает в ход свою авиацию. Начинается бой. То один, то другой самолет, оставляя за собой длинный черный шлейф дыма, падает в море. Гибнут и наши. Тяжело терять товарищей и очень трудно снова и снова идти в бой. Но приходится. Невыспавшиеся, усталые летчики утратили привычное понятие — день, ночь...

17

Анапа... Вот здесь-то и встретился Пысин с Нельсоном Степаняном. Николай Васильевич еще раньше слышал о нем от товарищей. Говорили, что он очень простой, общительный и никогда не дает в обиду своих. Пысин, правда, представлял его другим, ему почему-то казалось, что Нельсон высокого роста, черноволосый. И когда он впервые увидел этого невысокого лысоватого человека, то даже не поверил, что это Степанян. Но скоро, услышав его громкий, заливча-

тый смех и характерную, с акцентом речь, понял, что именно таким он и должен быть.

Степанян был назначен командиром 47-го штурмового полка. Нельсон познакомился с летчиками — и особенно с новичками. После первого же боя, когда у новичков все смешалось и они с трудом, как маленькие дети, держась за «ручку» ведущего, вернулись на аэродром, Степанян собрал всех и долго с ними разговаривал. Он обратил внимание на их растерянность, подбодрил, признался, что и сам так же чувствовал себя в первом бою. Потом он всегда по душам беседовал с молодежью, а если было свободное время, то вылетал на «двухштурвалке» и в воздухе показывал, что и как надо делать.

Молодые летчики беспрекословно слушались своего командира. Им нравились его спокойная уверенность, его высокое мастерство. Они знали, что в Нельсоне Георгиевиче можно быть абсолютно уверенным, и поэтому всегда стремились пойти на боевое задание вместе с ним.

После вылетов Степанян производил разбор действий в воздухе, вместе с летчиками изучал не только свою авиационную технику, но и технику противника. Проверял, как летчики усвоили маршрут, анализировал подробности, помогал советом и личным примером. Вот за все это и любили Нельсона его ученики и бесконечно доверяли ему. Степанян всегда был хорошим педагогом еще тогда, когда он был инструктором в училище, и это умение наладить контакт и вызвать на откровенность, найти индивидуальный подход к каждому ни разу не подвело его.

Наверное, именно поэтому многие первоклассные

летчики считают Степаняна своим учителем и гордятся, что воевали рядом с ним.

По существу, он был добр, и это знали все. И когда ему приходилось кого-нибудь распекать, выходило это как-то не обидно, по-дружески. Да и приходили к нему молодые летчики как к старшему другу.

— Товарищ командир, — говорили они, — опять я растерялся сегодня.

Степанян обычно всегда молчал минуту-другую, потом говорил:

— Растерялся, говоришь?

— Да, товарищ командир.

— Это хорошо.

— Что хорошо?

— А то, что ты сам знаешь свои недостатки, это уже хорошо. А техника — дело наживное. Садись, давай вместе подумаем, в чем у тебя загвоздка.

Проходил час, иногда два, и пилот выходил с твердой уверенностью, что он сумеет драться лучше, обязательно сможет. И хотелось поскорее доказать командиру, что не зря он поверил в новичка. И если когда-либо выражение «у человека выросли крылья» и имело почти буквальный смысл, то именно в такие минуты после бесед с командиром...

...Аэродром Анапа расположен удобно. Отсюда наша авиация совершала налеты на Крым и на Черное море. Теперь-то началась настоящая работа — борьба за освобождение Крыма. Много будет потом написано об этой борьбе.

Наша авиация действовала непрерывно. Она бомбила немецкие баржи, вооруженные артиллерией, сбрасывала боеприпасы и продукты десантникам.

Действовали по системе «кольца» — одни летят на задание, а другие в боевой готовности ждут их возвращения. Как только первая группа возвращается, вторая немедленно вылетает.

Степанян проявил и здесь свои организаторские способности: его четкость и собранность очень помогли в этом.

Здесь наши летчики начали применять новый метод, так называемое «бомбометание с малых высот». Не каждый, наверное, знает, что это такое.

Бомбометание с малых высот — настоящая дуэль человека с кораблем. До того времени считалось, что транспорты — трудная цель для штурмовика. Но советские морские летчики доказали, что это не так. И впервые новый способ применили на Черном море, в 8-м гвардейском полку Н. В. Челнокова. Летчики-штурмовики тренировались, чтобы как следует освоить новый прием.

Происходит это так. Вылетают шестерками. Впереди, как обычно, идут самолеты ведущего и его заместителя. Они заходят с высоты 500—700 метров, имея на борту бомбы с замедлением семь секунд. Оба летчика выбирают себе корабли «по вкусу» и переходят в пикирование. Они начинают «дразнить» корабль, обстреливая его из пулеметов и пушек с высоты 50—70 метров. Снаряды и пули точно ложатся на палубу корабля, а вслед за ними по той же трассе летят бомбы.

Они неизбежно взорвутся через семь секунд, и за это, кажется, ничтожное время летчик должен успеть уйти на безопасное расстояние.

Остальные летчики шестерки продолжают бомбить

с 400 метров. Фотографирует замыкающий летчик, ведь без подтверждающего документа результаты штурмовки не засчитают.

Потом в сводках отмечают, что потоплен транспорт противника водоизмещением во столько-то тысяч тонн. Но не всегда бывают такие сводки, приходится и отмечать, что не вернулся наш самолет.

Вот так и шли на параллельном курсе и радость и горе...

Полк Степаняна и 8-й штурмовой полк, где служил Николай Васильевич Пысин, начинают тренироваться, чтобы как следует освоить новый способ. Способ, которым могут бить врага только бесстрашные.

Немецкие войска продолжали отступать. Вместе с весной, которую ничто не могло остановить, наступала наша армия. В результате смелой операции, когда советские войска форсировали Сиваш и захватили плацдарм, расположенный южнее этого мелководного залива, обстановка в Крыму изменилась: гитлеровцы начали отходить, чтобы не оказаться в кольце.

В смерче, сметающем врага, на переднем крае — летчики Нельсона Степаняна.

После прорыва немецкой обороны на Перекопском перешейке 11-я дивизия, куда входили штурмовые полки Степаняна и полк, где был Пысин, перебазировались на аэродром Саки.

Все здесь говорило о том, что только недавно отсюда бежали гитлеровцы. Трудно найти что-либо уцелевшее: всюду валяются перекореженные, перекрученные балки, стоят обуглившиеся коробки сгоревших зданий, взорванные мастерские и подсобные помещения. При взгляде на аэродромное поле издали кажет-

ся, что какие-то огромные, неведомые животные расположились на отдых. А если подойти ближе, то видно, что это немецкие бомбы, которые враги не успели обрушить на крымскую землю... Кроме бомб, немцы не оставили здесь ничего целого.

Летчики-черноморцы появились на аэродроме сразу же после освобождения территории наземными частями. Вот он, аэродром: внизу белеет привычный посадочный знак. Самолеты благополучно приземлились, а потом летчики рассмотрели, что этот знак сделан из оригинального материала: простыней и матрасов, оставленных бежавшими в панике гитлеровцами. Черноморцы подвели итоги: горючего мало, но враг не будет ждать — сейчас время дорого. Надо что-то придумать. Отдается приказ: «Слить все горючее вместе и заправить им возможно большее число самолетов».

Так и сделали. Уже через час после прибытия на аэродром несколько машин поднялось в воздух на помощь нашим войскам, стягивающимся к Севастополю.

18

В Саки Степанян жил в небольшом финском домике, гордо именуемом «Гранд-отель». Домик стоял прямо на аэродроме, и у Нельсона всегда было много народу. Возвращаются летчики с задания — идут к нему, знают, что он встретит их с радостью, с открытой душой. Надо кому-нибудь вылетать — тоже ждут у гостеприимного хозяина. А если Степаняна не было, то дверь все равно не закрывалась. Эта при-

вычка осталась у него еще с давних пор; когда он был инструктором в Батайске. Нельсон всегда рад людям, он не может без них. Не раз доставался из-под койки заветный анкерок с водкой, и законные сто граммов отмечали победу. Степанян всегда одним из первых был в курсе всех событий, и прямо после посадки товарищи обязательно заходили к нему.

Они не стучали. Дверь в «Гранд-отеле» никогда не запиралась.

— Нельсон!

Он быстро вскакивал из-за маленького столика, раскрывал объятия навстречу товарищу, и усталые глаза мгновенно загорались.

— Ну как, дорогой, все в порядке?

— Нормально!

— Э, дорогой, моими словами пользуешься. Это я всегда говорю «нормально», а ты давай рассказывай, иначе не выпущу.

— Не могу, горло пересохло.

— Значит, говоришь, пересохло? На водички выпей...

— Не могу, Нельсон, — смеется гость, — врачи запретили. Тебе, говорят, вода вредна, можешь размокнуть.

— Ну, раз врачи запрещают, ничего не поделаешь, это дело серьезное, — важно говорит Нельсон. — А как насчет ста граммов, дорогой? Что говорят врачи?

— Говорят, способствует. Способствует и укрепляет.

И начинается разговор, понять который может лишь тот, кому пришлось воевать. Разговор, в кото-

ром взрывы смеха чередуются с минутами молчания, когда узнаешь, что погиб тот, не вернулся с вылета этот, разбился третий. А где сейчас Мишка, с которым ты всегда вместе летал? А Ваня? А Сергей? Уже полковник? Ишь ты, силен парень!

Давно уже выпиты сто граммов, солдатская норма, а разговор все течет и течет, принося то радость, то горе. Ничего не поделаешь — война, а судьбы людские на войне как бы сжимаются во времени, и какой-нибудь месяц или два равны годам...

Из Саки было удобно держать под контролем отступающих гитлеровцев, которые стягивались к Севастополю. Гитлер решил сконцентрировать в Севастополе свои силы, чтобы удержать Крымский полуостров, но было ясно, что сейчас надо думать об эвакуации, а не об обороне. 18 апреля 1944 года основная масса гитлеровских войск сосредоточилась возле Севастополя.

Несмотря на всю свою хваленую организованность, фашисты не могли бы стать образцом порядка — каждый старался как можно скорее покинуть столь негостеприимную землю. Корабли шли один за другим, и у наших летчиков было много объектов для выбора. Вот тут-то штурмовикам пригодилось бомбометание с малых высот, причем выбирались наиболее крупные боевые корабли. В результате немцы почувствовали, что они в западне. Все — земля, море и небо — были против них.

Полк Степаняна вместе с другими увеличивал свой счет уничтоженных плавсредств и живой силы противника. Уже начали проявлять себя и ученики Нельсона — молодые летчики, прибывшие к нему

в полк. Были у него в полку и «старики», те, кто уже успел принять боевое крещение до того, как попал к Степаняну. Но и они считали себя его учениками. Некоторым из них Степанян смело поручает ответственные задания, — они уже достаточно зарекомендовали себя. Возьмем хотя бы младшего лейтенанта Виктора Глухарева.

— Нельсон Георгиевич — мой учитель, — говорит он. — Это он научил меня летать.

К этим словам стоит прислушаться.

...Старые, пожелтевшие газеты, истертые на сгибах. Их бережно хранит Виктор Яковлевич Глухарев, хранит более двух десятков лет. Он закончил войну с четырьмя орденами боевого Красного Знамени и с орденом Ленина, не говоря уже о других орденах и медалях. Впервые Виктор проявил себя еще под Новороссийском, в те огневые дни, когда наши моряки прорывались в город. Группа десантников с боями заняла вокзал, но гитлеровцы плотно зажали их в кольцо. Обстановка такова: на чердаке вокзала закрепились десантники, внизу фашисты. Тогда на помощь приходит морская авиация. Приказ предельно краток и ясен: необходимо доставить боеприпасы и воду — помочь товарищам. А это не так-то просто — даже небо отделено от земли непробиваемой полосой огня. На задание выходят три ИЛа.

Один самолет идет на клуб моряков, второй на элеватор, а самолет Глухарева на вокзал. Машины идут низко, но надо еще снижаться, иначе груз не будет доставлен по нужному адресу. Переходят на бреющий. Обстреливаемый со всех сторон самолет Виктора, чуть не задевая винтом крышу, проскакивает

к вокзалу. Вниз летят посылки. Рассчитано точно — одна попадает в слуховое окно, прямо в руки морякам. Другой аккуратно упакованный тук ударился о стену вокзала, отскочил и упал на землю. Совсем рядом, кажется, только протяни руку — и достанешь его из окна. Но это не так-то просто: земля на мушке у противника. Моряки как черная лавина обрушились на фашистов. Атака была короткой, но стремительной. Десятки врагов остались на месте, а бесценная посылка все-таки попала в руки адресата.

Было совсем темно, когда младший лейтенант Глухарев вернулся на аэродром. Он сел при свете прожекторов впервые в своей летной практике. Но сажился уверенно, чувствуя свою власть над послушной машиной. Это сказывалась школа Степаняна — не зазнаваться, но быть уверенным в себе, а главное — хорошо знать, до последнего винтика, свою боевую машину. Виктор запомнил этот полет, наверное, на всю жизнь. Запомнил до мельчайших подробностей, и поэтому ему достаточно прочесть эти несколько строк, чтобы снова все пережить.

«Задание штурмовики получили очень сложное. С чувством великой ответственности выполнял его младший лейтенант Глухарев. Ценный груз сбросил точно в заданное место».

А название у этой записочки тоже очень простое: «Моряки получают помощь». Коротко и ясно — лучше не скажешь.

Таких учеников у Степаняна было немало. Некоторые из них позже сами стали Героями Советского Союза, как, например, Ефим Удальцов, Юсуп Акаев...

Однажды произошел редкий случай, о котором

потом часто вспоминали. Тогда моряки и летчики спорили, кто же является виновником торжества.

Было это так. Командование дало приказ встретить караваны немцев. Но встреча эта должна происходить не ближе чем за три километра от берега. Степанян повел свой полк. Уже начало смеркаться, и небо подернулось прозрачной дымкой. Если смотреть с самолета, то море через дымку красивое — трудно даже сказать, какого оно цвета, — природа смешала на своей палитре разные краски от синей до серой... Но вот ровную гладь моря разорвала темная цепочка. Транспорт. Надо начинать атаку.

Бой был уже в самом разгаре, когда двое летчиков, уже знакомый нам Виктор Глухарев и Михаил Беляков, заметили, что в бухте притаился крупный корабль. Присмотрелись — эсминец. Решение было принято быстро. Получено «добро» от командира, и можно приступать к действию.

Оба самолета переходят на малую высоту — 50 метров, и четыре мощные бомбы летят вниз. Две точно ложатся на цель. Взрыв. Летчики видят, как в панике мечутся враги по горящему кораблю... Значит, все в порядке — эсминец выведен из строя. Бесстрастный фотоаппарат запечатлевает все это на пленке.

Летчики докладывают о своих действиях, а фотодокумент подтверждает. Однако эсминец оказался живучим. Из последних сил он добрался до берега, и гитлеровцы решили ночью отбуксировать его, вернее то, что от него осталось, — металлическую обгорелую коробку, — в ближайший румынский порт. Маленький буксир старательно тащил беспомощную махину,

когда шум винтов буксира уловили «уши» нашей подводной лодки и она, неожиданно всплыв, атаковала эсминец двумя торпедами. Атака удачна — торпеды взрывают корабль. Через некоторое время удивленные подводники слышат, что снова раздается шум винтов. Невероятно — ведь эсминец уже мертв! Всплывают вторично и видят маленький буксир, торпящийся к берегу... Больше ничего и никого на поверхности. В штаб поступает радостное сообщение — подводники уничтожили вражеский эсминец, а такое бывает не каждый день.

...Потом выяснилось, что это был один и тот же «заколдованный» эсминец, который не горел в огне и не тонул в воде...

19

Работы у черноморцев было более чем достаточно: подавлять зенитные батареи противника, топить корабли, уничтожать живую силу. Дела хватало всем: и штурмовикам, и бомбардировщикам, и торпедоносцам, — все работали «без выходных». У летчиков теперь большой опыт, за плечами многих из них не один месяц войны. За это время выросло их боевое искусство и освоено много новых приемов, помогающих в бою. Теперь они по праву могут называться мастерами своего дела — асами. И летчики Нельсона Степаняна заслуженно занимали свое место среди этих мастеров.

Вот что писала по этому поводу газета «Правда» от 3 мая 1944 года.

«В боях на морских коммуникациях черноморские

летчики не только проявляют высокий моральный дух, смелость, настойчивость, но и используют новые тактические приемы, позволяющие эффективнее наносить врагу удары. Только в последние десять боев за освобождение Крыма они уничтожили более двадцати кораблей противника и стольким же нанесли крупные повреждения, не понеся сами ни единой потери. Нередко вражеский караван возвращался в Севастополь, не рискуя продолжать путь дальше в данном составе кораблей.

Многие из этих побед одержаны летчиками Героя Советского Союза майора Степаняна».

...Фашисты смогли продержаться в Севастополе всего несколько суток, а в начале войны наши войска держали оборону 250 дней. И каких дней! Каждый из них может послужить примером мужества и самоотверженности. Севастополь для русских был частью Родины, которую надо защищать до последнего вздоха, до последней капли крови, для фашистов же это была ненавистная чужая земля, где все грозило им смертью. Мечта Гитлера удержать Севастополь не сбылась...

5 мая — советские войска атаковали Севастополь с севера, чтобы связать здесь как можно больше войск противника.

7 мая — штурм Сапун-горы — ключа к Севастополю. Хорошо поработала наша артиллерия, подключились и знаменитые «катюши», вселяющие безграничный ужас во врага. Потом началась авиационная подготовка, закончившаяся через несколько часов. Только тогда на штурм ринулась пехота. Сапун-гора была взята, и дорога на Севастополь была открыта.

9 мая — наши войска ворвались в Севастополь. Немецкие войска разбиты. Множество убитых и захваченных в плен. Уцелевшие гитлеровцы отошли на мыс Херсонес, где пытались занять оборону, чтобы дожидаться там прихода транспортов. Но их расчеты не оправдались: к мысу Херсонес смогло пройти только два судна. Больше ни один транспорт не был допущен до берега: советская артиллерия и авиация пресекли все их попытки. Фашисты видели, как суда, не дойдя до берега, повернули и ушли, унося с собой все их надежды.

«...Это произошло в ту ночь, когда советское командование решило покончить с 30 тысячами скопившихся здесь немцев. Вид судов, которые приближались, но затем ушли, так и не причалив берегу, серьезно деморализовал немецкие войска. Они уже до того в течение двух дней и ночей подвергались ожесточенной бомбежке и артиллерийскому обстрелу, а в ночь с 11 на 12 мая заговорили еще и «катюши». То, что за этим последовало, превратилось в настоящую бойню. Немцы в панике бежали за вторую, а потом и за третью линию своей обороны, а когда в предрассветные часы на поле боя появились советские танки, немецкие солдаты и офицеры начали сдаваться в плен большими группами, вместе с ними сдался и их командир, генерал Бёме, а также несколько штабных офицеров, скрывавшихся в погребе единственного уцелевшего крестьянского дома на мысе Херсонес...» Так писал очевидец-немец, побывавший здесь в это время.

Значительный вклад в эту операцию внесли летчики 11-й дивизии, в том числе и полк Степаняна. Сам Нельсон действовал наравне с товарищами. Лет-

чики 11-й дивизии уже думали, что теперь им предстоит работать в Румынии. Но командование решило иначе, и всю дивизию перебросили на Балтику.

20

Степанян снова на Балтике. Больше года не был он здесь, не видел эти уже ставшие родными ленинградские проспекты, прямые, как стрела, улицы, где всюду видны следы осады. Город напоминал больного, пережившего смертельную болезнь. Многие дома разрушены, черные остовы зданий поднимаются к небу, взывая о мщении. На уцелевших стенах красноречивые надписи: «Эта сторона наиболее опасна при артобстреле». Но город изменился. После того как в январе сорок четвертого наши войска отбросили врага от города-героя и покончили с блокадой, Ленинград ожил. Он возрождался из развалин, как бессмертный феникс из пепла, и сейчас в нем шла нормальная жизнь. Пусть еще очень трудная, но нормальная жизнь, когда люди могли ходить по улицам, не прислушиваясь к шелесту летящих снарядов. Когда уже можно было ездить в трамваях, а не ковылять на подкашивающихся от слабости и голода ногах, совершая свой ежедневный путь на работу... Город уже начинал жить полной жизнью.

Таким встретил Ленинград Нельсона и его летчиков, приземлившихся прямо в городе, недалеко от Политехнического института. Здесь они провели несколько дней, привыкая к бесконечному дню — ведь в июле призрачно светятся белые ночи. Привыкали

к обстановке, отдыхали, много времени отдавали влившимся в полк молодым летчикам.

Степанян ходил по городу, вглядывался в лица прохожих и размышлял о том, как ошибался враг, когда думал покорить этих бледных, исхудавших, но бесконечно сильных духом людей, даже не мужчин, привычных к мысли о смерти на войне, а слабых женщин, стариков и детей. Да, именно детей, которые переносили все тяготы войны наравне со взрослыми. В такие моменты Нельсон вспоминал свою семью, непоседливого сына, бесконечно родную и заботливую жену и своих стариков в далеком Ереване. Он представлял их здесь, среди ленинградцев, и ненависть к врагу жгучим комком подкатывала к горлу. Как правильно выразил эту ненависть в своих стихах Константин Симонов! Нельсон даже выписал себе эти строчки:

Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что Родиной мы зовем, —
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь,
Знай: никто его не убьет.
Если ты его не убьешь,
И пока его не убил,
Помолчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.

Замечательные слова! Степаняну даже казалось, что они написаны специально для него. Верно, врага надо уничтожать до последнего.

Наши войска начали активно наступать на Карельском перешейке, и тут в бой включились черно-

морцы. Они поддерживали десанты, высаживающиеся на островах в Финском и Выборгском заливах. Работа привычная, есть уже порядочный опыт на Черном море — там уже не один десант надежно прикрывали летчики подполковника Степаняна. И вот регулярно поднимаются с аэродрома в Куммалово летчики 47-го штурмового полка и наводят порядок на воде и в небе. Не отстает от наших и 8-й гвардейский полк, который также ведет свой славный путь от Черного моря. Как и везде, жизнь идет по строгому расписанию: полеты, отдых, опять полеты. Но в недолгие свободные минуты хочется как-то отвлечься от суровых будней войны. Поэтому так ценят тех, кто может как-то скрасить отдых. Всюду желанный гость баянист Коля Николаев со своим инструментом, настоящий праздник — приезд артистов, и всегда здесь рады тем, кто понимает юмор и шутку. Степаняна любили все — он никогда не мешал людям веселиться. Поэтому никто особенно не удивился, когда однажды возле места, где жили летчики Степаняна, взвился радостный и яркий фейерверк. Почти салют. Причем был и залп из многих «орудий». История фейерверка такова.

...Выдался на редкость тихий и спокойный день, когда почти нечего было делать, и все приводили в порядок свое нехитрое обмундирование, шутили, смеялись и забивали «козла». И вот кому-то пришла в голову идея сделать фейерверк. Лишний раз подтверждалась истина, что мужчины — это те же взрослые мальчишки. Несколько человек принялись старательно долбить стартовыми флажками дырки в земле. Потом туда аккуратно разрядили порох из нескольких

сигнальных ракет. С изготовлением сложного устройства из бумаги, пороха и карандашей все приготовления были закончены. Немного поспорили, кому выпадет честь поджигать запалы, наконец, все страсти улеглись и по чьей-то команде разноцветные огни дружно взлетели в воздух и заплесали, разбрасывая яркие огненные брызги. Зрелище было, ничего не скажешь, впечатляющее! Но это еще не все. Кто-то умудрился поймать большого слепня и привязать ему за лапку на длинную нитку гильзу от папиросы. Получился настоящий, знакомый каждому летчику конус — длинный белый мешок, который на тросе тянется за самолетом и служит мишенью во время тренировки. Одуревший слепень начал медленно кружиться невдалеке от вспыхивающих пестрых огней, а целая группа возбужденных летчиков с упоением стреляла из пистолетов в мелькающий белый конус — гильзу. Все были настолько увлечены этим занятием, что не заметили прибежавшего на звуки пальбы командира. Степанян сначала немного понаблюдал за этим своеобразным развлечением, потом, когда все уже попробовали свою меткость, выстрелил сам, попал в конус и прекратил веселье. Злополучный слепень свечой взвился вверх, а Нельсон посмотрел ему вслед и серьезно сказал:

— Молодец! Прямо ас! Так конус вести не каждый сумеет.

Все дружно рассмеялись.

Таких беззаботных часов было немного...

Шел четвертый год войны. Советские войска, продолжая наступление, все ближе и ближе подходили к берегам Балтийского моря. Но враг не хотел отсту-

пать, он, как клещ, впивался в каждый клочок нашей земли. Шли упорные, кровопролитные бои.

«Заверяю, что доверие советского народа, доверие моих земляков — бакинских нефтяников, оправдаю с честью до конца, пока во мне бьется сердце...» — писал Степанян товарищам в Баку. А у него слова не расходились с делом. В Прибалтике хорошо знали Нельсона Степаняна не только летчики-балтийцы, но и ленинградцы. И если в самые первые дни, когда черноморцы только приземлились в Капорье и Кумалове, некоторым старожилам-балтийцам казалось странным появление на Балтике южан, закончивших войну на Черном море, то теперь такая мысль даже не могла бы и возникнуть. Именно перед 11-й Новороссийской дивизией была поставлена задача — уничтожить группу кораблей, базировавшихся в Нарвском заливе. Эти корабли мешали нашим тральщикам и катерам тралить мины в Финском заливе. Двумя последовательными налетами вражеские корабли были уничтожены. И снова среди отличившихся мы встречаем уже знакомые имена: дважды Героя Советского Союза Н. В. Челнокова, Героя Советского Союза Н. В. Пысин и, конечно, Героя Советского Союза Нельсона Степаняна.

21

Нельсон давно уже полюбил Балтику, еще с тех пор, когда он первый раз попал сюда, в эти такие непривычные для него края. Его тогда очень удивляло, что сосны растут рядом с морем возле пляжа с мяг-

ким песком. А когда светило солнце и море становилось голубым, почти как то родное на юге, Степаняну казалось, что это он сам лежал здесь на нежном, как пух, песке, подставляя свое тело целебным солнечным лучам. А когда узнал, что в Прибалтике лучшие курорты для детей, еще с большим вниманием стал прислушиваться и осматривать все кругом. «Кончится война, обязательно всей семьей приедем сюда отдыхать, — думал он. — Вот где Вилик побеждает и покупается!»

Но все это были дальние планы, пока не очень-то реальные.

Между их осуществлением и сегодняшним днем лежала война, которую нельзя было перешагнуть, а предстояло пройти до конца, измерить своими шагами. Но даже если и идет война, человек остается человеком — он мечтает и надеется, иначе просто невозможно жить. И Нельсон мечтал о том, как кончится война, как он вернется к себе домой и потом они вместе с Фирой и, конечно, с Виликом поедут туда, где он воевал. Сначала в Крым, на ласковое Черное море, а потом сюда, на Балтику. Он тогда обязательно проедет по тем местам и скажет сыну: «Смотри, сынок, и запомни: здесь шла война и второй такой не должно быть...»

И вот сейчас, когда начались бои за Таллин, Степанян ведет свой полк на штурмовку. Он не рискует зря. Весь район изучен самым тщательным образом, известно, где окопался враг, каковы его силы. Нельсон умело использует рельеф местности и выходит на цель. Фашистские зенитки открыли бешеный огонь. В воздухе замелькали истребители противника. Бой

завязался тяжелый. Но все старания врага отбить атаку были напрасны. Летчики точно находили свои цели и били по ним без промаха.

Это были уже не те летчики, что в сорок первом приняли на себя удар фашистских воздушных армий. За огневые годы они выросли, отшлифовали свое мастерство, получили новые грозные машины. Они научились воевать жестоко, расчетливо, хитро.

...Степанян заметил большой транспорт противника, торопившийся выбраться из порта. От его носа в обе стороны, как длинные седые усы, расходились пенные дорожки.

Расстояние между ИЛом и транспортом стремительно сокращалось. Мозг работал четко и спокойно, отсчитывая, прикидывая, намечая точку, где бомбы должны соприкоснуться с кораблем, взорвать его, потопить. Пора! Расчет был безупречным. Транспорт в несколько тысяч тонн пошел на дно.

На обратном пути к аэродрому Степаняну вдруг подумалось, что он и его товарищи впрямь стали профессионалами. Но не они выбрали профессию уничтожения, ее выбрал за них враг, и они будут бомбить его и расстреливать до тех пор, пока он не будет разбит окончательно.

Еще несколько раз пришлось полкам Степаняна и Челнокова уничтожать в этом районе немецкие корабли, поддерживавшие наземные силы противника в районе Таллина.

И когда 22 сентября 1944 года Таллин был окончательно освобожден, в эту победу внесли свою долю и черноморцы. Они вообще уже давно перестали себя чувствовать «пришлыми» на Балтике. В боях, где

все сражаются бок о бок, товарищество и дружба возникают быстро. Но особенно крепки эти чувства у тех, кто уже не первый год летал вместе. Фронтная дружба не требует громких слов, она немногословна, как голос командира в шлемофоне. Именно такая дружба связывала Нельсона Степаняна с Николаем Челноковым, с Николаем Пысиным, с Ефимом Удаляцовым, с Виктором Глухаревым, хотя все они были разными и по возрасту, и по званию, и по должностям.

...День авиации — 18 августа. В этот день не было торжественного парада, не показывали в Тушине пилоты свое мастерство. Было просто не до того, но все-таки старая привычка отмечать этот дорогой для каждого летчика день взяла верх. Кто-то вспомнил, что из Ленинграда надо привести самолет, который находился там в ремонте. Степанян дает задание обязательно сегодня же до темноты пригнать машину. Желающих слетать в Ленинград много, но командир, наконец, послал двоих надежных пилотов. Они собираются быстро: еще бы, в этом полете заинтересованы все. В полевую сумку кидают деньги: ведь, если будут в городе, значит, привезут с собой и «горючее» и «боеприпасы».

— Чтобы успели вовремя, — напутствовал летчиков Нельсон, передавая им сумку с деньгами. — Вас здесь ждут, как ангелов.

— Операция «Ангельский полет» началась, — прокомментировал кто-то, когда самолет скрылся из виду.

Действительно, все ждали возвращения товарищей, с нетерпением посматривали на часы, на начинавшее темнеть небо, и кое-кто стал поминать «ангелов» раз-

ными неслестными словами, когда, наконец, посланцы возвратились.

Их полет увенчался успехом — обе машины благополучно пришли — и, главное, вовремя. Все проследовали в столовую, и банкет в честь Дня авиации начался.

Вечер удался на славу. Степаняна единодушно выбрали тамадой. Еще бы! Кто, кроме него, сможет придумать такие веселые и остроумные тосты, вовремя пошутить, успокоить слишком увлекшихся. Да и надо признаться, если бы не Нельсон, вряд ли вообще состоялся бы банкет — ведь самолет мог оставаться в Ленинграде еще и день и два...

Веселье было в самом разгаре, когда Степаняну вдруг передали радиogramму. Он внимательно прочел ее, нахмурил брови, а потом провозгласил очередной тост:

— Выпьем за здоровье виновников сегодняшнего торжества!

Все дружно откликнулись. Когда рюмки были выпиты, Нельсон продолжал:

— А теперь, виновники торжества, на гауптвахту на сутки!

Потом выяснились дополнительные подробности операции «Ангельский полет».

...Летчики прибыли в Ленинград вовремя и отправились с аэродрома за «боеприпасами». Пока перелили водку в канистру и закончили другие дела, солнце уже стало заходить. Сумерки в Ленинграде в это время длинные, темноты нет, но вылет из города уже был запрещен. Летчики примчались на аэродром и уже стали выруливать на старт, когда взвилась красная

ракета, запрещавшая взлет. Правда, летчики уверяли, что они ее не видели, а то бы они обязательно остались, но дежурный по аэродрому придерживался на этот счет другого мнения. Самолеты на бреющем проскочили Невский и, найдя выход среди аэростатов противовоздушной обороны, ушли в море, а оттуда к своим. Вдогонку нарушителям полетела возмущенная радиограмма.

«Ангелы» отсидели на гауптвахте, но все были довольны: День авиации был отмечен достойно.

Из таких эпизодов, веселых и печальных, торжественных и комических, и складывалась фронтовая жизнь...

22

Наступление советских войск в Прибалтике продолжалось. Сначала, как уже говорилось, они освободили Таллин, потом Ригу. И, наконец, группа войск подошла к району Либавы — очень важному стратегическому пункту. Обстановка сложилась так, что к этому времени противник был лишен своих сухопутных коммуникаций и снабжение из Восточной Пруссии шло целиком через море. Гитлеровцы получали подкрепление через Либавский порт. Поэтому наше командование придавало такое огромное значение Либаве, и потому так важно было как можно быстрее взять ее. Вот тут-то огромная доля усилий легла на плечи, вернее, на крылья наших летчиков. Несколько недель подряд, почти не пропуская ни одного дня, летали наши самолеты на Либаву, бомбили порт, уничтожали суда и транспорты, пытавшиеся про-

биться в порт. Полеты были не из легких: во-первых, портилась погода — приближалась зима; во-вторых, приходилось совершать в день по несколько вылетов; в-третьих, противник сосредоточил здесь большие силы — у него было много авиации и зенитных установок. Фашисты прекрасно понимали, Либава — это их последняя карта и горе им, если она будет бита. Поэтому они изо всех сил старались удержать порт и в то же время готовили к эвакуации свои войска. Много вражеских кораблей подтягивалось к Либаве.

...14 декабря 1944 года. Наша разведка донесла, что к порту Либава идет большая группа судов противника. Здесь были и миноносцы и крупные транспорты, не говоря уже о сторожевиках, тральщиках и других специальных судах. Было ясно, что необходим массированный удар с воздуха. Наше командование уделяло особое внимание этой операции, закодированной под названием операция «Артур». Были подняты в воздух два полка штурмовиков. Одну группу вел подполковник Степанян, другую — капитан Пысин (к этому времени ему уже присвоили звание Героя Советского Союза), третью — Удальцов. Первая группа должна была подавить огневые средства противника, следующая — нанести удар по его кораблям и транспортам, а последняя группа — обеспечить выход. Сначала Степанян не должен был участвовать в этой операции. Но он упрямил командира дивизии разрешить ему самому вести группу. Тот в последний момент разрешил. Обычно Нельсон Георгиевич, идя в бой, не надевал свои ордена, а носил планки, но на этот раз его китель украсили все награды. Уж очень ответственной была эта операция, и, видимо, хотелось Нельсону по

старинному русскому обычаю идти в бой как можно торжественней.

Уже на расстоянии шести-семи километров от цели дали о себе знать истребители противника. Они появились перед нашими самолетами, но советские истребители прикрытия не допустили их до штурмовиков. Напрасно больше двух десятков «фокке-вульфов» стремилось прорваться к ИЛам, их надежды на неожиданность нападения не оправдались. Не только истребители, но и штурмовики включились в бой. В этот день выдалась на редкость хорошая, малооблачная погода, и море с кораблями противника было видно как на ладони. Зенитная артиллерия, растревоженная нашими бомбардировщиками, встретила штурмовиков ураганным огнем.

— Шарик, приготовьтесь к атаке! — скомандовал Степанян.

Его шестерка вырвалась вперед. Самым первым шел самолет Нельсона. Он шел первым и принял на себя огонь. Трудно сказать, о чем думал Нельсон в те минуты — наверняка только не о том, что это были последние его мгновения в жизни. Может быть, он еще раз вспомнил о сыне, мысль о котором не покидала его никогда, может, он всего себя вложил в ненависть к врагу, в стремление победить. Никто нам об этом не расскажет, да, наверное, это и не самое главное. Главное то, что он, как всегда, грудью пошел на опасность, пошел туда, где всего тяжелее...

Его самолет потонул в огненном вихре. Вокруг ИЛа вспыхнул фейерверк огня. Истребителей прикрытия, сопровождавших в атаку Степаняна, связали боем вражеские самолеты.

Неожиданно от берега, на высоте 400—500 метров, выскочило несколько «фокке-вульфов» и ринулось снизу вверх на самолет Степаняна. Трудно сказать, что произошло — по-видимому, пуля оборвала жизнь отважного летчика, так как его самолет, оставляя за собой полосу черного дыма, резко пошел вниз. Если бы Нельсон был жив, то такой мастер, как он, нашел бы способ спасти машину и людей. А тут штурмовик стремительно падал вниз, как мертвый. Именно мертвый, ведь летчики считают свою машину почти живым существом. Недалеко от воды вспыхнул купол парашюта — это пытался выпрыгнуть бессменный стрелок Степаняна Алексей Румянцев. Но высота была уже слишком мала, и его тоже не стало...

Бой все разгорался. Испытанный прием бомбометания с малых высот и на этот раз оправдал себя — часть кораблей противника пошла на дно. То здесь, то там от места боя уходили, вспенивая волны, горящие вражеские суда...

После окончания операции наши вернулись на аэродром. Удальцов доложил командиру дивизии о гибели Степаняна, но никто не хотел этому верить. С аэродрома до самого утра не уходили летчики, механики и техники. Они не верили, что Нельсон погиб.

Верить не хотелось. Нельзя было поверить. Нельсон и смерть — оба понятия казались совершенно несовместимыми. Настолько жизнеутверждающим был этот обаятельный человек, что представить его мертвым было невозможно. А потом — как теперь будет жить полк без своего командира? Есть люди необходимые, без них просто нельзя.

Степанян мог быть суров, порою резок, и в то же

время он был как-то по-детски добр и отзывчив. Говорят, глаза — зеркало души. В больших темных глазах Степаняна можно было увидеть его душу — так открыто и честно смотрел он на мир. А смеялся он так, как могут смеяться только очень хорошие люди, — громко и заразительно. Он всегда был с людьми, подтверждая мудрую пословицу, что «хороший человек один не живет, к нему всегда люди пристанут».

Здесь, на фронте, не раз и не два приходилось молча провожать взглядом адъютанта, уносящего вещи погибшего. Не раз и не два приходилось всем вместе сочинять письма, которые несли беду в чужой дом и ломали чужие жизни. Все это приходилось делать — шла война. И к этому не то чтобы привыкли — к такому не привыкают, — но принимали как неизбежное. Но сейчас, когда стало известно, что Степанян не вернулся, поверить не мог никто.

— Этого не может быть, он должен прийти, — твердили многие. — Степанян не может погибнуть!..

Но, увы, и утро не принесло никаких добрых вестей. Пришлось поверить в горькую правду...

Почти две недели полк не мог нормально летать, к полковому фотографу установилась очередь за фотографиями Нельсона, которые летчики брали с собой в самолеты и вешали над своими койками в общежитии. Товарищи поклялись жестоко отомстить врагу за погибшего друга и командира...

Операция под Либавой дорого обошлась врагам. В сводке Советского информбюро от 16 декабря 1944 года сообщалось:

«Авиация Краснознаменного Балтийского флота

14 декабря наносила удар по транспортам противника в порту Либава. В результате бомбардировки потоплено 6 немецких транспортов водоизмещением 24 000 тонн и поврежден один транспорт водоизмещением 5000 тонн».

23

Прошло некоторое время, и снова жизнь полка вошла в привычную колею. Летчики-степаняновцы, как и вся Советская Армия, стремились побыстрее добить бегущих с советской земли фашистов. Но товарищам Нельсона предстояло выполнить еще один очень важный и тяжелый долг. Надо было послать письмо его родным и сообщить о случившемся. У этого письма было много авторов, был среди них и Николай Васильевич Пысин. Он не мог не написать несколько слов, ведь он тоже был там, под Либавой, где штурмовики 8-го гвардейского полка отважно бились рядом со своими товарищами. Николай тоже видел, как падал в море горящий самолет Степаняна, и ярость от собственного бессилия перехватила ему горло. Пысин вспомнил, что Нельсон очень хотел послать сыну в подарок аккордеон. Степанян сам как-то говорил ему об этом. Искали аккордеон долго, наконец нашли — трофейный. И отправили его вместе с письмом, в котором рассказали мальчику, каким был его отец. К сожалению, как выяснилось уже много лет спустя, эта посылка так и не дошла до адресата. От Балтики до Ташкента, где находилась семья Степаняна, была длинная дорога, не раз прерывавшаяся отголосками военной бури. Так где-то в пути затерял-

ся этот аккордеон и письмо, рассказывающее о последнем бое Настоящего Человека.

...Прошло четыре месяца. Большой срок, тем более на войне, и особенно тогда, когда близка победа. Наши войска ведут бои уже за пределами нашей страны. Освобождается Польша, затем Чехословакия. Бои идут на территории противника.

Враг познает горечь и унижение. Он уже не отступает, он уползает, злобно огрызаясь, цепляясь за каждый поселок, за каждый дом, за выступ на поверхности земли.

Советские войска ведут наступление на всех фронтах — это начало марша Победы.

Летчики-балтийцы тоже не отстают от других. Полк Степаняна действует в Германии, в порту Пиллау. Хотя нет уже с ними их славного командира, но полк продолжает его дело. О нем не говорят как об отсутствующем, он все равно рядом с товарищами. И это не пустые слова. Обратимся еще к одному документу тех лет.

Пожелтевшая и истершаяся на сгибах газета «Летчик Балтики». 21 апреля 1945 года. Суббота.

Четыре с небольшим месяца прошло с тех пор, как не стало Степаняна, но здесь на первой полосе — его портрет с надписью: «Дважды Герой Советского Союза гвардии подполковник Н. Г. Степанян». Вся газета посвящена ему, и, что самое интересное, в ней говорится о Степаняне как о живом человеке. Пожалуй, стоит привести здесь несколько безыскусственных заметок, написанных его учениками.

Все эти заметки объединены одним заголовком, набранным крупным шрифтом: «ОН УЧИТ НАС...

...Военной хитрости, точному удару.

На одной коммуникации наши разведчики обнаружили караван противника. Шестерка подполковника Степаняна вылетела на бомбоштурмовой удар. После недолгого поиска цель была найдена и атакована.

Маневр захода на цель был совершен так мастерски, что летчики до сих пор вспоминают: «Быстро ударили и так же быстро собрались и пошли домой...»

При отходе нам встретился еще один караван противника. Что делать? Бомбы у нас израсходованы, боезапаса мало... Слышим по радио спокойный голос командира: «Внимание, приготовиться к атаке».

Пошли, обстреляли противника пушечно-пулеметным огнем и вернулись без потерь.

Во время разбора полета был задан вопрос: «Зачем мы пошли на этот караван?» Подполковник ответил:

— Нас Родина посылает в бой не любоваться противником, а уничтожать его, и если у нас кончились бомбы, то были снаряды и пули. Мы их и должны были использовать.

На одном из островов в Финском заливе батареи противника мешали высадке нашего десанта. Вылетели мы парой в этот район на барраж.

После четырех заходов на цель у меня осталось боезапаса только на случай встречи с вражескими истребителями. Но в это время наши корабли подошли к берегу и начали высадку десанта, и недалеко опять начала стрелять батарея. Командир повел в пятую атаку. Растратив весь боезапас, я решил, что сейчас пойдем домой. Но командир заходит еще и

еще раз на цель. Патронов нет, нечем стрелять, но, боясь этих атак, не стреляет и батарея врага.

Когда мы приземлились, я спросил у командира: «Зачем мы пикировали без огня. Ведь противник мог заметить, что мы не стреляем, и безнаказанно уничтожить нас?»

На это Степанян ответил:

— Противник больше чем уверен, что ты будешь стрелять каждый раз. Он невольно начинает тебя бояться и молчит. Этим воспользовались наши десантники.

Учил меня подполковник Степанян точному поражению цели. Он говорил:

— Если идешь на противника смело, дерзко, значит победа твоя. Невзирая на сильный огонь, выискивай большую цель, и как бы тебя ни сбивали с боевого курса, прорвись и уничтожь ее. Пикируй по прямой, пикируй с маневром, обстреливай с маневром разные цели, в том числе и ту, которую выбрал для уничтожения. Заходи на цель наверняка и с малой высоты, уничтожь ее.

Этому я стараюсь следовать.

Старший лейтенант *В. Глухарев*

...Умению анализировать.

Меня всегда поражало умение подполковника Степаняна глубоко анализировать обстановку, точно оценивать поведение каждого летчика и делать правильные выводы.

...Летчики идут в бой. И вот один отстает от группы: перегоняет ее или же проходит в стороне. Степанян выясняет, почему человек не держит место, в слу-

чае надобности меняет место ведомых. Он настойчиво тренирует летчика до тех пор, пока тот не научится ходить в строю, слетанности в группе.

Вдумчивый подход к операции отличает Н. Степаняна. Заход на цель, атака, выход из нее, сбор группы, построение противозенитного маневра — все это строится с учетом обстановки. Учитывает он все, вплоть до разворота, величины крена и скорости. А главное — он обращает исключительное внимание на степень подготовки летного состава. Например, с молодыми летчиками он никогда не делал на подходе к цели сложных перестроений; маршрут и самую атаку строил иначе, чем с более опытными штурмовиками. Так он добивался компактности группы при любом ее составе. А это и есть искусство ведущего...

Умению анализировать — вот чему научил меня дважды Герой Советского Союза Нельсон Степанян.

Герой Советского Союза
капитан *Г. Попов*

...Руководить боевым коллективом.

Когда меня назначили командиром подразделения, передо мной встал вопрос, с чего начинать? Степанян, зная, что меня тревожит, советовал:

— Знайте особенности каждого летчика, учите людей, заботьтесь о них, так вы сумеете создать крепкий боевой коллектив.

Я старался следовать этому совету. Был, помнится, такой случай. Один молодой летчик обычно нервничал над целью. Что здесь — трусость или неопытность?

Я поступил так, как учил Степанян. Вызвал летчи-

ка, выяснил причины, поговорил по душам, указал, как вести себя во время атаки. Беседа помогла.

Нельсон Георгиевич Степанян не раз говорил нам:

— Нападай на врага смело, внезапно, не давай ему приготовиться к отражению атаки. Упустив момент внезапности, не достигнешь успеха.

Говорил и о многом другом, что подсказывала боевая практика. Ведя нас в бой, он учил личным примером.

Герой Советского Союза
капитан Ю. Акаев

...Степанян часто говорил:

— Любишь Родину — отправляй немецкие корабли на дно морское!

— Мы — ученики дважды Героя Советского Союза Нельсона Георгиевича Степаняна, — так с гордостью говорят штурмовики его полка.

* * *

Кончилась война. Многие отошло в прошлое. Но память о людях не исчезает бесследно. Особенно о таких, как Нельсон Степанян. Он остался живым в памяти своих однополчан, они всегда вспоминают о нем, когда собираются вместе. А это бывало не раз. До сих пор водит самолеты на Дальний Восток Герой Советского Союза Николай Васильевич Пысин, не отстает от него и Ефим Григорьевич Удадьцов, тоже Герой Советского Союза. Правда, его самолеты чаще всего летят на юг. Не потерял связь с авиацией и Алексей Федорович Бсрисов, работает и Виктор Яков-

левич Глухарев. Но не только товарищи и ученики Степаняна помнят о нем. Кажется, что он только на минутку вышел из дома, где живет его семья. Помнят о нем и его товарищи на заводе, правда, их там осталось уже не так много. Жизнь разбросала всех в разные стороны, но Нельсон Степанян остался навсегда прочно связанным с заводом. Перед цехом, где он работал, стоит обелиск с его портретом, его приветливая улыбка встречает каждого, кто приходит на завод. В Ереване и в Шуше стоят ему памятники.

В школе, в Баку, расположенной недалеко от завода, где работал Нельсон, создана специальная комната-музей боевой славы. В этом музее почетное место занимает все, что относится к Нельсону Степаняну.

И наконец, совсем недавно, 14 февраля 1968 года, в последних известиях было сообщено по радио, что со стапелей судовой верфи в Клайпеде сошел мощный морозильный траулер «Нельсон Степанян».

Теперь, глядя на портрет подполковника Степаняна, мы совсем иначе читаем лаконичную справку о нем, помещенную под портретом. Вот он был каков, Нельсон Георгиевич Степанян, — душевный, добрый и бесконечно мужественный человек, гордый Буревестник, оставшийся навеки в нашей памяти «всем смертям назло».

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГАМ!

Дорогой читатель! Продолжая традицию нашей библиотеки знакомить тебя с живыми героями, мы пригласили сегодня в наш «Клуб» дважды Героя Советского Союза генерал-майора авиации Николая Васильевича Челнокова.

Николай Васильевич был командиром эскадрильи, в которую пришел Нельсон Степанян. Свой боевой путь Степанян начал у Н. В. Челнокова, и вместе они уничтожали фашистскую нечисть под Ленинградом и на Балтике.

Николай Васильевич Челноков — кадровый военный — много лет прослужил в армии, опытный боевой командир. Немало молодых летчиков воспитал он, вложил в них свои знания, опыт, бесконечную любовь к Родине. Многие из его учеников стали известными, заслуженными людьми, но они всегда помнят своего первого командира, с которым им пришлось пройти через страшное испытание — войну. Не случайно Николая Васильевича летчики звали Батя — именно так, по-отцовски строго, но справедливо воспитывал он их, много с них спрашивал, но никогда не давал в обиду. За все это и платили ему его ученики искренним уважением и любовью. С самого начала войны на личном

счете Н. В. Челнокова значится немало боевых подвигов. Уже в июне 1942 года ему присваивают звание Героя Советского Союза за бои по защите Ленинграда. Но Николай Васильевич не только смелый и отважный человек, он и превосходный тактик. Это им была разработана и впервые применена на практике так называемая тактика «бомбоштурмовых ударов с малых высот» по кораблям противника.

Этот прием с успехом применялся на Черном море под Севастополем и на Балтике, особенно в Финском заливе при уничтожении группы кораблей. Эти корабли прикрывали левый фланг немецкой армии в Финском заливе от нападения советской авиации и защищали ее от возможности высадки морского десанта.

За участие во взятии Севастополя и за разгром фашистской группировки кораблей в Нарвском заливе Николаю Васильевичу Челнокову вторично присваивается звание Героя Советского Союза. Это он тогда со своими тридцатью экипажами за один вылет уничтожил семь из четырнадцати кораблей. Вслед за ним совершает вылет уже знакомый читателю Н. В. Пысин. Он ведет двенадцать самолетов, и немцы недоиссчитываются еще двух кораблей.

Вся жизнь Н. В. Челнокова тесно связана с авиацией — ей он посвятил себя с молодых лет, не порывает с ней и поныне.

И сейчас он часто бывает в авиационном училище в Ейске, где он проработал восемь лет и которое он сам кончал еще тогда, когда это училище было в Севастополе. Заслуженный летчик беседует с курсантами, делится с ними своим богатым жизненным и военным опытом.

Повесть Н. Матвеева «Буревестник» в основном рассказывает о Нельсоне Георгиевиче Степаняне, хотя в ней упоминаются и другие отважные, мужественные люди, летчики-штурмовики, которые прошли всю войну и многое сделали, чтобы приблизить победу. Вполне понятно, что естественным послесловием к книге Н. Матвеева «Буревестник» будет рассказ Николая Васильевича Челнокова о герое книги Нельсоне Степаняне.

* * *

...Впервые я увидел Нельсона Степаняна летом 1941 года, когда он вместе с другими молодыми летчиками пришел в мою эскадрилью. Мне как-то сразу приглянулся этот невысокий темноволосый человек с прямым открытым взглядом. Помню, я тогда невольно обратил внимание на тоненькую ниточку его черных усов, как-то очень удачно сочетавшихся с прямыми, тоже черными бровями. Вообще усы у кавказца настолько обычное явление, что удивляться здесь нечему, но почему-то в этот раз у всех моих новичков были усы, и это выглядело довольно смешно. Несколько забегаю вперед, скажу, потом мода «на усы» охватила всю эскадрилью, и устоял перед ней только я.

Наверное, в мирное время мы не смогли бы так быстро узнать друг друга. Но война сместила все временные понятия, и то, на что раньше требовалось бы месяцы, а может быть и годы, теперь приходилось решать и осуществлять самое большее за дни, а то и за минуты. Поэтому когда было получено задание от командования перегнать новые самолеты из Воронежа на Балтику, в число летчиков, вошедших в группу, я включил и новичка — Нельсона Степаняна. Его простые манеры, веселый и приветливый характер сразу производили приятное впечатление, а умение смело держать себя в воздухе говорило за то, что из него выйдет мастер высокого класса.

Итак, мы отправились в Воронеж за новыми машинами. Отдыхать на войне, как известно, не приходится, спать тем бо-

лее, и поэтому, когда появляется свободная минутка, да еще в этот момент находишься в относительно удобном и безопасном месте, то невольно засыпаешь. Так сделал и я. Пристроился в самолете и задремал. Вдруг, чувствую, кто-то трясет меня за плечо. Открываю глаза и вижу Нельсона.

— Где летим? — спрашивает он, а глаза у него хитрые.

Я посмотрел вниз, сориентировался и ткнул пальцем в карту.

— Правильно! — засмеялся Степанян. — Значит, верно говорят, разбуди нашего командира, когда хочешь, и спроси: «Где летим?» — он все равно всегда точно покажет. А я не верил, хотел сам убедиться...

Вот таким и был Нельсон — непосредственным и простым. В нем было много мальчишеского, и эта черта характера всегда вызывала симпатию.

Степанян очень откровенно проявлял свои чувства — если кто-либо был ему неприятен, то он не скрывал этого, но зато для симпатичного ему человека Нельсон готов был сделать все.

Он был человеком щедрой души, всегда делился всем, что у него есть, выручал товарища. Вполне подтверждаю мнение, что кавказцы — народ гостеприимный, Степанян часто говорил мне: «Знаешь, Батя, вот кончится война, приедешь к нам. Есть замечательный бочонок вина. Его зарыли, еще когда я родился. Ведь чем старше вино, тем лучше. Вот тогда посидим, поговорим. И ребята наши приедут. Пусть тогда за столом покажут, на что они способны. А то воевать они умеют, а вот умеют ли пить по-нашему, по-кавказски, — это еще надо проверить».

Нельсон Степанян был таким, каким он описан в этой книге, может быть, только чуть более вспыльчивым, более живым и непосредственным. Он люто ненавидел фашистов, у него даже голос становился другим, когда он вспоминал о прошедшем бое, и он начинал разговаривать с более заметным акцентом. Настоящий он был летчик, и в то же время он никогда не считал для себя зазорным учиться у товарищей.

Как часто бывает на войне, в апреле 1942 года наши пути на какое-то время разошлись. Мне пришлось отбыть в другой полк. Погода еще была суровая: снег, ветер. Накануне вылета я попрощался со своими летчиками, а прощались, как говорят, всерьез. Ведь никто не знал, с кем придется увидеться еще раз. Честно скажу: на душе было как-то тоскливо — привык к ребятам, родными они стали. На другой день утром я уже был

около самолета, вижу — бежит кто-то по полю, проваливается в снег, но бежит. Смотрю — Нельсон! Подбежал, запыхался, но все равно улыбается. «Хочу, — говорит, — Батя, с тобой еще раз попрощаться. Есть такая поговорка: «Посошок на дорожку». Степанян достал откуда-то бутылку водки. Выпили и закусили... снегом. Больше ничего подходящего не нашлось.

Потом нам не раз приходилось еще встречаться, но больше случайно, времени было мало. Но всегда, когда была возможность, Нельсон старался приехать ко мне или я к нему. Он уже был Героем Советского Союза, командиром полка, но когда мы были вместе, то часто вспоминали, как он впервые пришел в полк и как мы перегоняли машины из Воронежа на Черное море. Правильно говорят — на всю жизнь запоминается первая любовь, первая обида и, конечно, первый бой, а свой первый бой Нельсон принял в моей эскадрилье. И вот сейчас, хотя прошло уже немало лет, когда встречаются однопольчане, мы всегда вспоминаем и говорим об отсутствующих товарищах и, конечно, о Степаняне. Есть такие люди, о которых трудно представить, что их уже нет, которые всегда числятся в одном строю наравне с живыми, — вот такой человек и Нельсон Георгиевич Степанян.

*Дважды Герой Советского Союза
генерал-майор авиации Челноков*

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ! В БИБЛИОТЕЧКЕ «ЧЕСТЬ, ОТВАГА, МУЖЕСТВО» ЗА 1963—1968 ГОДЫ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

- Е. Рябчиков, Засада на черной тропе.
А. Лукин, Операция «ДАР».
Л. Самойлов, В. Гирин, Выстрел в переулке.
Ю. Тарский, Испытание огнем.
Г. Боровик, Пылающий остров.
И. Мызгин, Со взведенным курком.
В. Смирнов, Ю. Попков, Трое суток рядом со смертью.
В. Микоша, С киноаппаратом в бою.
С. Голяков, В. Понизовский, Рихард Зорге.
Д. Морозов, Бой без выстрелов.
Петер Випп, Совершенно секретно.
А. Леонтьев, Последняя радиограмма.
Сергей Жемайтис, Взрыв в океане.
П. Александровский, А. Егоров, Партизан Фриц.
Сергей Мартыанов, Первые залпы.
Виктор Смирнов, Поединок в горах.
М. Ребров, К. Телегин, За опасной чертой.
Леонид Токарев, Сквозь огненное кольцо.
А. Насибов, След на дне.
В. Кудрявцев, В. Понизовский, Шаг в темноту.
Ю. Туманов, Планшет разведчика.
Виктор Смирнов, Дорога к черным идолам.
Алексей Леонтьев, Тройной прыжок.
Н. Никольский, Шестнадцать часов.
Л. Самойлов, М. Вирт, Игра с тенью.
Л. Константинов, Охота на Горлинку.
Г. Кулаков, Дневник комиссара.
Лев Овалов, Оперативная карта.
Георгий Свиридов, Последний раунд.
Андрей Дугинец, Наказ Вацлава Гудбы.
Николай Коротеев, Операция «Соболь».
М. Чачко, Конец белого ордена.
Юр. Корольков, В катакомбах Одессы.
Е. Ивин, Е. Огнев, Дело взято из архива.
Н. Матвеев, Буревестник.